

18+

Хедвиг Шоберт

НАЙТИ САМОГО СЕБЯ

Перевод с немецкого
Людмилы Шаровой

Хедвиг Шоберт

**Найти самого себя. Перевод с
немецкого Людмилы Шаровой**

«Издательские решения»

Шоберт Х.

Найти самого себя. Перевод с немецкого Людмилы Шаровой /
Х. Шоберт — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-512470-8

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ**

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Роман «Найти самого себя» — история о любви, призвании, чувстве долга. Молодой писатель влюбляется в 16-ти летнюю девушку и женится на ней, чтобы «жить долго и счастливо». Но реальность оказалась далека от ожидаемого рая. Оба преследовали разную мечту, и молодая пара рассталась. Все еще муж и жена, они снова встретились через несколько лет, когда каждый из них достиг своей цели. По иронии судьбы, они способствовали небывалому успеху друг друга. Однако, это обернулось трагедией для них обоих.

ISBN 978-5-00-512470-8

© Шоберт Х.

© Издательские решения

Содержание

НАЙТИ САМОГО СЕБЯ	6
I	6
II	13
III	20
IV	25
V	33
VI	42
VII	46
VIII	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Найти самого себя

Перевод с немецкого Людмилы Шаровой

Хедвиг Шоберт

Людмила Васильевна Шарова *Переводчик*

© Хедвиг Шоберт, 2020

© Людмила Васильевна Шарова, перевод, 2020

ISBN 978-5-0051-2470-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

НАЙТИ САМОГО СЕБЯ

*. Человек на самом деле не более, чем сырой материал, которому
придают определенную форму окружение и обстоятельства*

I

В мансарде, в комнате с выбеленными стенами и истертыми досками на полу, дешевые занавески на низких окнах тихо раскачивались от порывов ветра; за окном бушевала ноябрьская непогода; рядом с печью примостился обшарпанный черный кожаный диван, а у противоположной стены возвышался красивый старинный комод в стиле рококо с зеркалом над ним; посреди комнаты над дешевым деревянным столом, заваленным книгами и бумагами, склонился молодой человек, погруженный в работу.

В комнате царила тишина, а ветер, завывающий снаружи, только подчеркивал ее. Ничто не отвлекало работающего за столом юношу.

Белые листы бумаги быстро покрывались торопливыми строчками, он отодвигал их в сторону и брал новые. Покрытое южным загаром молодое лицо с благородными чертами выражало одухотворенность, темные глубокие глаза светились – он телом и душой полностью растворился в работе.

Зеленый абажур отбрасывал легкую тень на белый лоб и на тонкие четко очерченные брови, но освещенная часть лица была полна свежести и жизни.

Где-то в соседней комнате часы пробили восемь раз, но Виктор Альтен был настолько поглощен своей работой, что не обратил на это внимания. Снаружи закрипела лестница; комнату отделяла от нее лишь тонкая деревянная перегородка, сколоченная из узких досок, так что внутри был слышен каждый звук. Раздался короткий стук в дверь, на который увлеченный работой юноша не ответил, и в комнату вошел посетитель.

– Не беспокойся, – сказал он в ответ на молчаливый кивок приветствия, которым встретил его сидящий за столом, не поднимая головы, – я подожду!

Вошедший сел на старый кожаный диван, положил рядом с собой большую мягкую войлочную шляпу и расстегнул пальто. Так он сидел неподвижно, наверное, около четверти часа.

Наконец, Виктор воскликнул:

– Готово! – и отбросил перо в сторону. Он вскочил, вскинул руки вверх, и все еще возбужденный от работы посмотрел на своего друга. – Я могу гордиться тем, что я сделал сегодня, я закончил последнюю главу, мой новый роман готов!

– Я тебя поздравляю. И ты меня тоже можешь поздравить!

Грегор встал и с необычной улыбкой посмотрел Виктору в лицо, и из-за его уродливого рта эта улыбка казалась немного саркастичной.

– Я кое-что принес тебе, – сказал он.

Грегор достал из нагрудного кармана несколько газет и указал на подчеркнутые синим карандашом строчки в разделе «Литература». Там было написано: «Пробуждение!» – Роман Виктора Альтена.

Молодой писатель немного побледнел, опустился на стул, с которого только что встал, и взял газеты. Грегор, стоя за спиной Виктора, смотрел на текст через его плечо.

Отзывы были блестящие, они содержали слова восхищения и признания известных критиков в адрес молодого, многообещающего, до сих пор неизвестного таланта. Ему! Ему одному! – У него кружилась голова – он глубоко вздохнул.

Его первый большой труд получил высокую оценку, получил признание! В этот момент на молодого автора нахлынуло чувство такого необыкновенного счастья, какое суждено испытать в этой жизни лишь немногим людям, да и то только один раз.

Внезапно он вскочил. Радость, переполнившая его, была настолько сильной, что его грудь готова была взорваться.

– Грегор, – крикнул он громко и порывисто обнял своего друга, который был на много лет старше его, носил потертый запятнанный сюртук и на его тонких губах, казалось, навсегда застыла скептическая улыбка. – Ты прочел это? Все это?

– Конечно, – ворчливо сказал Грегор. Виктор так сильно стиснул его в своих объятиях, что он чувствовал себя как осужденный, которому накинута петля на шею. – Следствием этих облаков благовоний будет то, что теперь ты зазнаешься и станешь настолько невыносимым, что люди будут обходить тебя стороной на расстоянии мили. Это похвалы дьявола!

– Не будь так жесток ко мне! – тихо сказал Виктор, немного помолчав.

– Боже правый, ты думаешь, я ревную?

Скрестив на спине свои длинные руки и опустив голову, Грегор шаркающими шагами прошелся по комнате.

– Это было бы большой глупостью заботиться о том что скажут другие, – продолжал он, покачивая головой. – Иди тем путем, который ты выберешь сам, бери от жизни то, что хочешь ты, используй любые возможности настолько, насколько сможешь – вот мои Альфа и Омега для тебя!

– Я знаю, Грегор, что ты рад за меня, что ты гордишься мной, – сказал Виктор, улыбаясь. – Ты хотел сказать: «Суди меня по моим делам, но не по моим словам!» Ты великий реалист!

– Ты большой ребенок! – усмехнулся Грегор.

Виктор кивнул, в то время как Грегор в ответ на тихий стук в дверь громко сказал:

– Войдите!

Девушка переступила порог, прикрыла дверь за собой, но не плотно, так что из-за нее виднелась красноватая полоска света.

– Что господа хотят на ужин? – спросила она, слегка прислонившись к двери, – уже пора!

– Сначала закрой дверь и подойди ближе, Марта! – сказал Грегор. – Посмотри, так выглядит человек, которого называют писателем! – Он положил руку Виктору на плечо.

– Что это значит? – спросила девушка, смеясь, переводя взгляд с одного на другого.

С мало скрываемой гордостью Виктор взял в руки газеты, которые в беспорядке лежали на его столе.

– Мою книгу оценили, очень высоко оценили, – сказал он, и его снова охватило чувство необыкновенного счастья.

Не говоря ни слова, Марта схватила их и начала читать. Ее изящная головка с матово-блестящими светлыми волосами почти коснулась лампы, ее прекрасное лицо покрылось румянцем, ее глаза сияли под длинными ресницами, бросающими легкую тень на круглые, гладкие щеки.

При виде возбуждения, в которое новость привела Марту, Виктор разволновался еще больше.

– Ох, – наконец, проговорила девушка, глубоко вздохнув; положив локти на стол и подперев голову руками, она с детским восхищением посмотрела на Виктора. – Могу я все это рассказать Лене?

– И Лене и всем, кто захочет это услышать, Марта, – сказал Грегор, продолжая ходить по комнате. – Известность приобретается только через массы, и даже если вдруг появится новость о самом необыкновенном событии, оно останется в памяти и станет значимым только в том случае, если о нем заговорит большинство, потому что именно большинство определяет то, что впоследствии овладеет умами. Власть над умами – это прекрасная вещь – к сожалению!

Виктор стоял напротив девушки, их глаза все еще были устремлены друг на друга; ее глаза выражали восхищение и уважение, его глаза светились от счастья. Он порывисто протянул к ней руки.

– Вы рады за меня, Марта, Вы действительно рады?

– Да, действительно рада, – быстро ответила она и откинула непослушную прядь волос за ухо, – хотя признаюсь, я никогда не ожидала от Вас этого.

Виктор громко рассмеялся.

– Я сам этого не ожидал, – честно признался он.

– Настоящий талант не должен сомневаться в себе, – вмешался Грегор, – а что касается Вас, Марта, – то это обычное дело, когда подлинное значение гения не могут увидеть те, кто готовят для него чай и намазывают бутерброды. Увы, так устроен мир!

– О, небо! Ужин! – вскрикнула девушка. Она поспешно вскочила и выбежала за дверь.

– Ты заметил, как похорошела Марта, – спросил Виктор, прислонившись спиной к столу и следя глазами за Грегором, продолжающим ходить по комнате.

– Если ты хотел этим замечанием выразить ей свою признательность за ее восторг, то, к сожалению, она этого не услышала, – сказал Грегор с мрачной улыбкой.

– Нет, я не думал об этом. Я просто сказал то, что видел, – сердито отозвался Виктор. – Кстати, мне было приятно видеть ее участие.

– Ее восторг был бы намного больше, если бы речь шла о новой шляпке или о новой мебели! Ты не находишь?

Альтен покачал головой:

– Оставь женщин в покое! И прежде всего, нашу маленькую Марту, старый скептик!

– Маленькую Марту, – улыбнулся Грегор. – Разве ты не видишь, что она почти доросла до твоего подбородка? И платье, которое она все еще носит, едва ли способно скрыть это? Неужели ты слепой?

– Возможно, ты прав, – сказал Виктор задумчиво. – Ты ведь знаешь, что в последнее время всем моим существом я был во власти моих фантазий!

– Пока ты сам почти не стал существом из придуманного мира! Вернись на землю! Настоящую женщину можно чаще найти здесь рядом, а не там, в твоих мечтах.

Виктор неуверенным жестом провел рукой по своим волосам.

– Ты снова пытаешься сделать из меня того, кого ты называешь «благоразумным»! Брось свои старания, Хьюго, они того не стоят! Я верю в добро. Человек по своей природе добр; доброе слово может сделать больше, чем жесткость и строгость.

– Мечтатель! – усмехнулся Грегор, поглаживая свою лысую голову. – Посмотри на меня! Когда-то я думал так же как и ты, но жизнь научила меня думать по-другому. Помимо нашей воли мы обречены на жалкое существование, и единственная милость, которая нам дана – это возможность по горло насытиться фарсом.

– Жизнь прекрасна!

Виктор вскинул обе руки вверх. Его сердце было переполнено счастьем! Куда бы он ни смотрел, счастье, казалось, манило его, невероятное, непонятное счастье.

– Грегор! Я не хочу пропустить ни дня, ни часа, которые уготованы мне на Земле.

– Дай тебе Бог, чтобы ты так думал всегда! Но спроси об этом как-нибудь фрау фон Нордхайм. Кстати, надо узнать, как у нее дела. Мы поговорим с тобой после, – сказал Грегор Виктору, хлопнув его по плечу.

С этими словами он оставил Виктора и направился к комнате, которую занимала их хозяйка фрау фон Нордхайм.

– Как дела, фрау фон Нордхайм? – спросил он, постучав в дверь.

– Какие могут быть у меня дела! Составьте компанию слепой старухе, – слышалось из-за двери. – День такой длинный, дорогой Грегор.

Грегор вошел.

– Надеюсь, моя просьба не показалась Вам неуместной, – сказала фрау фон Нордхайм. На ее старом морщинистом лице, казалось, навечно застыла печаль Ниобы. – Вы так громко спорили со своим другом.

Грегор пожал плечами.

– Старая песня! Виктор видит в этой жизни только самое высокое, самое совершенное и не успокоится до тех пор, пока не разобьет себе голову. Кстати, сегодня его посетил первый успех, он великий талант! – И Грегор подробно рассказал о случившемся.

Его резкий голос, не способный к модуляции, звучал так радостно и нежно, в нем было столько гордости за его молодого друга, что легкая улыбка промелькнула на благородном лице старой женщины.

– Однако, было бы лучше, если бы его раскритиковали, – заключил он. – Я уверяю Вас, что для такого человека, как он – молодого, неопытного, воодушевленного, полного живого воображения – слишком восторженные отзывы могут быть очень опасны.

Фрау фон Нордхайм снова улыбнулась.

– Как часто Вы упрекали меня в том, что я то же самое думаю о Марте!

– Это совсем другое, – возразил Грегор, – Марта – девушка...

– Тем хуже!

– Хм, я не задумывался на этим! – сказал Грегор и провел рукой по своим седым прядям волос. – Возможно, Вы правы! Я заметил, что Марта стала очень красивой.

– К моему сожалению, Грегор! Если бы не ее красота и не то обстоятельство, что она во всем точная копия своей матери – я бы спокойно закрыла глаза. Но сейчас я со страхом думаю о том часе, когда меня не станет, – сказала с горечью фрау фон Нордхайм.

Грегор постукивал пальцами по своему колену, внимательно глядя на освещенную лампой старушку; она казалась ему совсем дряхлой. Внезапно его охватило беспокойство. Что будет с ними со всеми, если она умрет? С Мартой, а также с его спокойным, размеренным образом жизни, к которому он так привык?

– Вам нельзя умирать, – сказал он коротко и резко. Как могла эта мысль прийти в голову старой слепой баронессе, которая была наполовину парализована с тех пор, как он ее знал и никогда ни словом не упоминала о смерти? Почему вдруг сейчас она заговорила об этом? – Вы еще необходимы здесь, на земле!

– Мы над этим не властны, дорогой друг, – сказала она и взяла его за руку. – Мы никогда здесь не нужны! Мы совсем ни на что не способны, и можем только терпеливо настойчиво ждать, пока наши силы не иссякнут. И если бы я увидела, что Марта стоит на краю пропасти, как Вы думаете, смогла бы я хоть что-то сделать, чтобы уберечь ее, даже если бы я собрала все свои силы? Кровь ее матери сильнее, чем я.

– Кровь ее матери? – переспросил Грегор в растерянности.

– Ее мать была актриса, – сказала баронесса после некоторого колебания, – и если я хочу поговорить с вами сегодня о моих опасениях, Грегор, Вы не подумайте, что это сплетни. Это от осознания того, что мне осталось не так много времени, чтобы говорить. Нам всем суждено умереть!

– Я слушаю Вас, – сказал Грегор почтительно.

– Она играла в театре, – глубоко вздохнув, старушка начала свой рассказ в медленной старомодной манере, которая ей была присуща, делая многочисленные паузы и выделяя каждое слово. – Она была красива! ... Очень красива... Мой сын считал ее необыкновенно талантливой и называл меня «предвзятой», потому что я сомневалась в ее таланте... Эберхард любил ее... больше, чем меня, гораздо больше! ... Это была слепая страсть, которая полностью взяла верх над ним! ... Но ее кровь была порочной; эта женщина оскверняла наше старое благородное имя... благородное на протяжении веков... ежедневно... ежечасно... но мой сын этого

не замечал! ... Кто, кроме меня, мог открыть ему на это глаза? ... Однако, Эберхард не внял моему предостережению, и в ответ они оба тайно бежали! ... Вы только подумайте, Грегор, – он оставил свою мать, которая заботилась о нем, отказавшись от собственного счастья, – тайно... ради этой шлюхи! ... Они забрали с собой оставшуюся часть моего маленького состояния и оставили мне своего ребенка – Марту.

Погрузившись в мысли, фрау фон Нордхайм опустила голову на грудь. Потускневшие черты ее увядшего лица выражали печаль и заботу, но в то же время удивительное спокойствие и ясность, которые говорили о том, что она никогда не знала страсти.

– Я воспитывала Марту, – продолжала она тихо, – как могла, ... но нельзя заставить свое сердце любить, и я не люблю дочь моего злейшего врага... я не могу ее любить!

Тут она внезапно в отчаянии заломила руки.

– Что с ней будет, когда я умру? – спросила она упавшим голосом. – Она Нордхайм, я не могу отнять у нее это имя. Но как я могу умереть спокойно, если знаю, что она опозорит его еще больше? Как я смогу ответить за то, что не смогла заглушить порочные ростки в ее душе? Мы должны признать, Грегор, что любое даже самое лучшее образование бессильно перед природой! То, что скрыто внутри человека, становится явным, как только наступает подходящий момент. Я пыталась всеми своими силами, но не могла изменить Марту ни на йоту. Я уверена, что как только появится малейшая возможность, она не устоит перед искушением стать такой, какой была ее мать.

– Не будьте несправедливы к ней, – мягко возразил Грегор. – Марта молода, а в молодости хочется очень многого. Она красива, она встретит достойного человека, который полюбит и будет бережно хранить ее, так что Ваши страхи необоснованны.

Она быстро повернула к нему свое увядшее лицо с потухшими глазами.

– Если бы это было так, я бы встала на колени и благодарила и его, и Бога! Я приняла бы с распростертыми объятиями любого нищего, лишь бы только когда-нибудь проклятое имя «Нордхайм» навсегда исчезло из этого мира!

С пожелтевшим морщинистым лицом, освещенным слабым светом лампы, она выглядела как фанатик, готовый умереть за свою веру.

– Когда я умру, – продолжала она, – Марта будет свободна, и тогда будет видно, права ли я в своих предчувствиях! Ее стремления всегда были обращены вниз, и никогда вверх! Лена Даллманн и ее мать и опекунша, – ее самое любимое общество; они понимают друг друга во всем, имеют те же желания и интересы; с другой стороны, мы с нею понимаем друг друга так мало, как будто говорим на разных языках!

– Почему Вы терпите это общение? – спросил Грегор.

– Почему? – тихо повторила она, покачав головой. – Дорогой друг, бедность уравнивает всех, и я не исключение. Только кошелек имеет значение для людей с уровнем образования семейства Даллманн. Если бы я была богата, они кланялись бы мне в пояс, уважали и почитали; но поскольку я бедна, то они считают меня равными себе. Кроме того, они неплохие люди, эти Даллманн, и девочки ходили в школу вместе.

В этот момент открылась дверь и в комнату заглянула Марта.

– Ужин готов, господин Грегор!

Он встал.

– Спокойной ночи, уважаемая фрау фон Нордхайм, и больше никаких темных мыслей, слышите?

Фрау фон Нордхайм протянула ему руку.

– Спокойной ночи, дорогой друг, спасибо за визит!

Хьюго Грегор поднес ее высохшие пальцы к своим губам. Он никогда не делал этого раньше и невольно покраснел, но сегодня в облике фрау фон Нордхайм было какое-то особенное благородство.

– А что касается Марты – я все еще здесь! – сказал он тихо, закрывая за собой дверь. Пока Грегор жив, Марта не будет беззащитна. И поэтому душа фрау фон Нордхайм может быть спокойной.

Весь вечер Грегор думал, как уверить в этом старую женщину. Эта уверенность, он знал, облегчит ее сердце. Однако, когда дело доходило до добрых поступков, он был застенчив, как мальчик.

– О, не стоит благодарности! – мрачно почти крикнул он однажды, когда обнаружилось, что он снова втайне сделал доброе дело. – Только не надо никаких речей!

Девушка стояла около двери, скрестив руки за спиной, и смотрела на приближающегося Грегора, наполовину смеясь, наполовину хмурясь.

– Бабушка снова на меня жаловалась? – спросила она шепотом. – Вы верите всему этому, господин Грегор?

Он посмотрел на нее оценивающе – невольно оценивающе. Ее прекрасное, розовое детское лицо выражало только прелесть и молодость, но в нем не было ничего порочного. Несомненно, фрау фон Нордхайм была не совсем справедлива к своей внучке!

– Видите ли, дорогой господин Грегор, – продолжала девушка, покраснев, – бабушка предпочла бы, чтобы я вообще не дышала! Она отвергает все – она ненавидит меня – а мне приходится работать весь день, чтобы мы могли только выжить. Это несправедливо! Мать Лены довольна всем, что делает ее дочь, но я никогда не слышала ни одного одобрительного слова в свой адрес. Даже самого простого!

Грегор нежно погладил красивую светлую головку; голубые, детские глаза были полны слез.

– Не отчаивайтесь так, моя дорогая, – попытался он успокоить девушку, когда они шли через холодную кухню и коридор в комнату Альтена. – На долю Вашей бабушки выпали тяжелые испытания, Вы должны быть снисходительны к ней.

Марта нетерпеливо пожала плечами, затем на ее красивом лице появилось выражение покорности.

– Что же мне делать?

Некоторое время она смотрела на облупившиеся, изношенные доски на полу, по которым они шли, и вдруг подняла голову.

– Теперь господин Альтен будет богатым? – спросила она.

Грегор с удивлением повторил:

– Богатым? Почему Вы так решили, Марта?

– Потому что деньги – это главное в жизни, – сказала она уверенно. – Без денег мы обречены на нищее, жалкое существование.

– И Вы желаете, чтобы у Виктора Альтена было много денег? – спросил он с улыбкой. – Как Вы бескорыстны, моя милая.

Марта, прикусив свои алые губки, смотрела в сторону.

– Почему бы и не ему тоже, – наконец, примирительно сказала она. – Конечно, еще больше я хочу этого для меня. Ах! Я хочу быть богатой, господин Грегор!

– Так-так! – поддразнил ее Грегор, потешаясь над ее страстным тоном. – Дорогая Марта, если это еще не случилось, то непременно произойдет в скором будущем! Виктор, несомненно, заработает столько денег, что сможет вымостить всю вашу квартиру золотыми слитками, а я выиграю для вас в рулетку – если этого не достаточно, я не знаю, как Вам угодить!

– О, господин Грегор, – сказала Марта, – Вы все еще обращаетесь со мной, как с ребенком! Я больше не ребенок!

Девушка отпустила его руку, подошла к печи и разворошила пепел, так что искры вспыхнули снова; она была так сердита, что слезы снова выступили на ее глазах. Все видели в ней ребенка, а она чувствовала с уверенностью, что это время уже давно осталось позади нее. В ее

сердце росли желания, надежды и мечты, которые не имели ничего общего с детством. Если бы Грегор только знал, как люди на улице смотрят ей вслед, какие комплименты ей делают в магазинах, на которые она вовсе не напрашивалась!

– Как долго ты там был! – воскликнул Виктор, поднимаясь навстречу входившему другу. – Или фрау фон Нордхайм решила сообщить тебе что-то особенное?

– Мы говорили о Марте.

– О Марте? – На лице Виктора появилась заинтересованность. – А что именно, если это, конечно, не секрет?

– Ты хочешь, чтобы я тебе все повторил? – сказал Грегор с усмешкой. – Думай о своих идеалах и позволь нам простым смертным позаботиться о повседневной жизни.

В ту ночь Виктор Альтен впервые увидел во сне Марту фон Нордхайм. Она появлялась перед ним, сияя своей юной красотой, то там, то тут, дразня его, маня его за собой, пока он, наконец, не сбился с пути и с громким криком не провалился в бездонную пропасть.

Во время короткой передышки, которую Виктор позволил себе между завершением своей последней книги и началом новой, его воображение больше, чем обычно, было занято Мартой. Марта вдруг стал центром, вокруг которого вращались все его мысли, все его чувства. Но не та Марта, которую он ежедневно видел перед собой – внучка его хозяйки, очень красивая девушка, – а существо, которое, он представлял себе в своем воображении.

Виктор краснел, как только он встречал Марту, его сердце начинало учащенно биться, когда она приходила в его комнату для выполнения своих повседневных обязанностей; он был как в лихорадке, когда она приближалась к нему, и мрачнел, когда слышал, как она смеется и шепчется с Леной Даллманн.

Грегор, конечно, уже на следующий день догадался, что происходит с его молодым другом. Он не на шутку испугался. В течение двух лет они жили вместе мирно и весело, никому из них не приходило в голову, что между ними могут существовать какие-либо другие отношения, кроме дружеских. И вот теперь этот несчастный человек вдруг влюбился в Марту как идиот!

Грегор, несмотря на свой потертый запятнанный сюртук, тем не менее, не был сухарем, но, напротив, большим жизнелюбом – по крайней мере, теоретически; и если не для себя, то для своего молодого друга он искренне желал земных радостей; однако, тот факт, что Виктор влюбился именно в Марту, расстроил его. Во-первых, он считал что девушка находится под их общей защитой и что она слишком хороша для мимолетной связи, а Виктор, на лоб которого в его двадцать пять лет водрузили первый лавровый листок, еще был не готов к тому, чтобы думать о серьезных отношениях; а во-вторых, он помнил о словах фрау фон Нордхайм и считал, что это неразумно позволить Виктору жить рядом с Мартой, не предупредив его о возможных последствиях.

Чем дольше Грегор наблюдал за другом, тем сильнее становилось его чувство против Альтена, и только то обстоятельство, что Марта ничего не замечала, давало ему некоторое утешение. Но как долго это продлится?

II

– Марточка! Тсс, Марточка!

Фрау Даллманн – красная вязаная шаль наброшена на плечи – тихо приоткрыла дверь кухни и помахала рукой девушке, хлопчущей у плиты.

– У Вас есть немного времени? Подойдите на минутку.

– Вода сейчас закипит, мне нужно заварить чай, – сказала Марта, глядя на дверь спальни своей бабушки. – Ну так и быть, Фрау Даллманн! Самое страшное, что она может сделать, это опять ругаться.

Фрау Даллманн засмеялась и покачала головой.

– Для того, кто привык к постоянным упрекам, это не такая уж большая беда! – сказала она и открыла дверь в свою квартиру, где ее дочь, милая брюнетка такого же возраста как Марта лежала на старомодном диване и листала самый последний бульварный роман.

Хотя фрау фон Нордхайм в целом, возможно, была права в своих суждениях о соседях, одно оставалось правдой, они проявили необыкновенное радушие по отношению к ее внучке. Фрау Даллманн никогда не делала различий между собственной дочерью и красивой маленькой аристократкой, общение с которой она явно предпочитала общению со старой дамой, несмотря на всю ее доброжелательность.

– Ах, мама, – сказала Лена, выпрямляясь и откидывая в сторону спутанные волосы. – Закрой дверь, что случилось?

Фрау Даллманн достала из тонкого бумажника две цветные полоски бумаги и триумфально положила их на стол.

– Смотрите, вот что мне сегодня подарила моя фройляйн! – она явно очень гордилась билетами. – Завтра будет большой костюмированный праздник и вы непременно должны туда пойти и увидеть это.

Мгновенно две девушки посмотрели друг на друга сияющими глазами, но вслед за этим глаза Марты наполнились слезами.

– Но как же я смогу? Как же я смогу? – жалобно запричитала она. – Бабушка скорее привяжет меня к своему креслу, чем разрешит.

– Да, Марточка, она ничего Вам не разрешает, – сказала фрау Даллманн с состраданием. – Как будто Вы не ее собственная плоть и кровь! Но я уже размышляла о том, как мы все это можем устроить. Когда бабушка заснет, Вы потихоньку в одних чулках проберетесь к нам, и она ничего не услышит!

– А если она позвонит? – спросила Марта с сомнением в голосе. Неуважение, с которым только что говорили о фрау фон Нордхайм, ее не волновало, поскольку она и ее бабушка не имели ничего общего ни в чувствах, ни в образе мыслей.

– Не беспокойтесь об этом! Что она может сделать, если Вы не услышите звонок? Ведь в молодости очень крепкий сон! Вы должны пойти, Марточка, вряд ли Вам снова представится такой случай. – Фрау Даллманн переложила билеты в безопасное место. – Там должно быть действительно необыкновенно весело. Моя фройляйн будет в костюме турчанки. Вы обе непременно должны это увидеть!

И трое уселись рядом, чтобы обсудить свой план. У Марты все еще были сомнения, но фрау Даллманн знала, как ее уговорить.

– Будет разумно, если Альтен не узнает об этом. Он захочет следовать правилам, но, в конце концов, только все испортит! Никто не должен об этом знать, ни одна живая душа, слышите меня, дитя мое?

– Конечно, я не скажу ему об этом! – ответила Марта со смехом. – О, дорогая фрау Даллманн, если бы Вы были моей матерью!

Фрау Даллманн польщенно засмеялась.

– Я тоже была бы не против! – сказала она добродушно и шутливо толкнула Марту в бок.

– Марта! Марта! – все это время кричала из своей комнаты фрау фон Нордхайм. На кухне кипел чайник, она услышала шипение, но была не в состоянии что-либо сделать – ее ноги парализованы, а глаза слепы.

Прошло больше часа, прежде чем девушка вспомнила о своих обязанностях. Она тихонько прокралась обратно в свою комнату. В душе Марта чувствовала угрызения совести, но предвкушение предстоящего удовольствия занимало все ее мысли. Она выслушала молча, хотя и с выражением упрямства на лице, обвинения бабушки.

– Из всех бед на земле самая ужасная – быть беспомощной, – с горечью сказала слепая женщина, – особенно когда тот, кто тебе обязан, не признает никаких обязанностей. Я запрещаю тебе с сегодняшнего дня ходить к Даллманнам.

– Ты не можешь этого сделать, бабушка, – зло возразила Марта. – Лена – моя подруга, и я буду к ним ходить!

Впервые фрау фон Нордхайм столкнулась с открытым неповиновением внучки.

– В тебе заговорила кровь твоей матери, дурная кровь! – пренебрежительно бросила она девушке. – Тогда иди! Иди к тем, к кому тебя тянет; я не желаю тебя знать! – И Марта ушла. В тот же вечер она торжественно объявила о своей победе Даллманнам, и она ни разу не подумала о беспомощной старой женщине, когда на следующий вечер пробиралась через холодный коридор со своими туфлями в руках в их комнату.

Через полчаса они втроем отправились в центр города. Хотя пригласительные билеты были только для девушек, фрау Даллманн все-таки проводила их до самых дверей дорогого отеля, в котором проходил фестиваль.

– Тебе не кажется, что это Марта? – воскликнул Виктор. Он внезапно остановился и крепко схватил за руку Грегора, идущего рядом с ним.

– Ты, наверное, видишь Марту во сне и наяву. Как она могла попасть сюда в это время? – усмехнулся тот.

– Ты прав, Хьюго, я вижу ее во сне и наяву, – признался Виктор, – но откуда ты это знаешь?

– Я же не слепой.

– Тогда позвольте мне сказать тебе больше, я...

– Я никогда не был хорошим исповедником, – грустно отозвался Грегор, – а жаль! На исповеди можно услышать самую изысканную чушь, настоящий букет глупостей и безумия, но люди никогда не испытывали ко мне доверия.

– Возможно... но я... но я тебе доверяю, я знаю тебя достаточно давно, Грегор. Поэтому я хочу открыть тебе, что люблю Марту...

– Вдруг?

– Да! Видишь ли, со мной происходит нечто удивительное, я знаю ее уже давно, и несмотря на это, я постоянно нахожу столько нового и в ней, и во мне! Как я мог так долго оставаться слепым, и какая молния открыла мне глаза?

– Молнии ослепляют, – сказал Грегор, направляясь в кафе. – Кстати, в одном ты прав! Писателю необходима любовь, чтобы творить. В молодости это любовь женщин, в преклонном возрасте любовь своих читателей. Между тем, ты еще очень молод!

– Ты рассуждаешь так, словно я решил завести интрижку, – возмутился Виктор, – но я об этом вовсе не думаю. Я люблю Марту, и эта любовь для меня священна.

– Рассматривай это как тебе угодно, я не буду тебя переубеждать. Однако, мне всегда казалось, что любовь стоит ногами в грязи, даже если мечты возносят ее к звездам.

Тесно прижавшись друг к другу, девушки сидели в маленькой ложе и с широко открытыми глазами смотрели на чудеса, происходившие внизу в зале.

Огромные люстры, висевшие почти на той же высоте, что и они, освещали оживленную, красочную картину, походившую на восточный базар с его роем турок, персов, армян и китайцев. На роскошных костюмах переливались драгоценные камни, сверкающие золотые монеты обрамляли темные локоны и оголенные руки.

– Вот там! – Вот где я хочу быть, там внизу, среди этих людей! – прошептала Марта сдавленным голосом и сжала руку Лены. Реакция ее подруги была более сдержанной.

– Это было бы прекрасно, – сказала она, – но без того восторга, который сиял в глазах Марты. – О, как тут жарко!

За ними слышались шаги, затем голоса.

– Ну, теперь посмотрим на это с высоты птичьего полета, – проговорил кто-то за дверью ложи, – я готов поспорить, Брескоу, отсюда это выглядит значительно красивее, чем снизу.

Вошли два господина в паломнических рясах, которые они выбрали в качестве костюмов для карнавала.

– О Боже, что за жара!

Тот, кто произнес это, в это время поднес к глазам свой монокль и посмотрел на молодых девушек, которые смущенно потупили головы. Он что-то сказал своему спутнику по-французски.

Незнакомец был уже не молод, его скромная, но элегантная внешность и поведение выдавали человека из общества, то, что подразумевают под неопределенным понятием светского человека. Без лишних слов он пододвинул стул, сел рядом с Мартой и начал разговор. Покраснев от смущения до корней волос, девушка отвечала.

– О, как это прекрасно, – вздохнула она, наконец. – Как счастливы должны быть все эти люди!

– Счастливы? – Он рассмеялся от ее наивного восхищения внешним блеском. – Может быть, они подумают то же самое о Вас, когда услышат Ваше мнение о них.

Марта с удивлением спросила:

– Я должна быть счастлива? – и детское лицо с широко открытыми глазами впервые повернулось к нему. – Как это возможно? Кто я такая?

– Да, кто Вы такая? – спросил он, наклонившись к ней. – Я не знаю этого, я только знаю, что Вы – очень – очень – очень красивы!

Новое, странное чувство охватило Марту; в первый раз мужчина сказал ей комплимент. Ее сердце учащенно забилось, в ней проснулась женщина.

«Вы красивы – необыкновенно красивы!» Эти слова все еще звучали в ней как музыка, когда она вместе с Леной вышла из жаркого бального зала в холодную, ясную зимнюю ночь. «Красива – необыкновенно красива!» – Да, с этого момента всем своим существом она хотела быть именно такой. Все ее мысли и раньше были заняты только нарядами и украшениями, но скудные средства бабушки сдерживали ее тайные желания. Теперь она решила работать в два раза усерднее, но только для себя; она будет шить и вышивать ночи напролет, чтобы у нее была приличная одежда. Сейчас ей было стыдно за то, что у нее нет нарядного платья, однако, несмотря на это, она чувствовала себя так, как будто сегодня она возвращалась домой с богатым подарком.

– Почему ты молчишь? – спросила Лена, когда они шли по пустынным улицам по поскрипывающему под ногами снегу. – Ты устала?

– Нет! О нет! – вздохнула Марта.

Она – устала?! О, нет! Ее голова горела и мысли проносились в ней, как пчелиный рой, но Марта не могла высказать словами, какое бурное чувство вдруг охватило ее.

Внезапно она остановилась, ее сердце учащенно билось, а на лице девушки, застыло мечтательное выражение.

– Лена! – воскликнула она и схватила свою спутницу за руку, – ты знаешь, чего я хочу? Стать одной из тех, кто танцевал и радовался там, внизу, в зале. Я очень этого хочу... Очень хочу!

– Тогда ты должна пойти в театр, – не задумываясь, ответила Лена, ибо с тех пор, как фрау Даллманн, служившая горничной у актрисы, увидела роскошь и блистательную жизнь, театр казался ей единственным желанным местом на земле. Вряд ли она подозревала, что за внешним лоском там скрыто нечто большее, чем красивая одежда и долгий сон. – Мама хочет, чтобы я тоже стала актрисой!

В театр! – Марта вздохнула. Что скажет бабушка, если у нее появится такая идея? Может Грегор поможет ей? В любом случае, она хотела попытаться убедить его в этом.

Крадучись, как вор, девушка поднялась по лестнице, с бьющимся сердцем она тихонько толкнула кухонную дверь. Та бесшумно открылась, так что, кажется, никто ничего не услышал. Вздыхнув с облегчением, Марта проскользнула внутрь в свою комнату. Все стояло на своих местах, там же где обычно! Только это показалось ей очень странным. Ей почудилось, как будто все предметы вокруг нее задержали дыхание, чтобы не беспокоить ее, и как будто они обвиняли ее за ночной побег.

Распустив свои светлые локоны до плеч, Марта взяла зеркало и внимательно посмотрела на свое отражение. Как же она красива! То ли от холода, то ли от возбуждения ее охватила дрожь.

Часы только что пробили три часа. Девушка потушила лампу и улеглась в постель, но сон не шел к ней. В своем воображении она снова переживала увиденное в театре – танцевальная музыка звучала в ее ушах и волновала кровь; вино, которым угощал ее незнакомец, искрилось в бокале.

Внезапно ее бросило в жар, потом она похолодела. Марта подняла голову и прислушалась. Кажется, бабушка позвонила! Или это ей просто померещилось? Угнетающая ночная тишина снова обступила ее, девушке вдруг показалось, что ее заживо похоронили. Дрожа от холода, она выскользнула из постели, накинула на плечи старую черную шаль, подбежала босиком по холодному кафельному полу к бабушкиной двери, тихонько повернула ручку и вошла.

Комната была полностью освещена ярким голубоватым лунным светом. Свет, минуя старую мебель, проникал в самые дальние углы; он отражался от краев тусклого зеркала и падал на кровать, где тихо спала старая фрау фон Нордхайм. Она лежала неподвижно, обе руки сложены поверх одеяла, голова слегка наклонена в одну сторону, так что тень от прикроватного столика падала на ее лицо; освещен был только подбородок. Марта подошла ближе. Ей вдруг стало так не по себе посреди этой мерцающей серебром лунной ночи, что она даже захотела, чтобы бабушка проснулась.

Фрау фон Нордхайм не двигалась.

Луч света сдвинулся в сторону и тускло осветил голову баронессы; теперь отдельные черты спящей были четко различимы; в синем лунном свете ее лицо выглядело необычно бледным и впалым. Марта наклонилась над кроватью.

Ледяным холодом повеяло от неподвижного тела, и от внезапного ужаса, охватившего девушку, необъяснимого, как все ее чувства в сегодняшний вечер, кровь застыла в ее жилах; через приоткрытые веки взгляд старой женщины казался таким жутким и остекленевшим, что у Марты застучали зубы. Она больше не могла этого вынести! Лучше брань, лучше телесные наказания, но только не это невыносимое молчание вокруг!

– Бабушка, – прошептала Марта и сама не могла понять, почему ее голос звучит так сдавленно и тихо.

Ничто не пошевелилось, и холодная дрожь пробежала по ее телу.

– Бабушка! – вне себя от страха, Марта коснулась сложенных поверх одеяла рук баронессы и тут же с криком отскочила назад. В этот момент луна скрылась за облаком. Теперь перепуганной девушке показалось, будто комната наполнена призраками, будто мертвая женщина подняла руки, чтобы добраться до нее и могильный холод обволакивает ее со всех сторон.

Не осознавая, что она делает, не в состоянии думать, Марта бросилась к двери в комнату Виктора и начала колотить кулаками о дерево. Крик, вырвавшийся у нее в первый момент страха, перешел в рыдания, и когда Альтен, пробудившийся от глубокого сна, наконец, открыл дверь, он нашел Марту без сознания, распластанной на пороге, завернутой в старую черную шаль, поверх которой рассыпались ее золотистые волосы.

Когда Виктор поднял ее, она, еще не очень придя в чувство, обвила обеими руками его шею, и тесно прижалась к нему.

– Она мертвая, – всхлипывая, простонала девушка. – Мертвая!

– Бедняжка моя, бедная моя Марточка! Как Вы напуганы, – сказал Виктор, поглаживая волосы дрожащей девушки. – Сядьте сюда, а я посмотрю, что там происходит! – Он посадил девушку в угол дивана, обернул ее платком и хотел принести ей одеяло из своей постели. Но Марта крепко вцепилась в него своими руками.

– Не уходите! – Не уходите... я умру от страха, – бормотала она, стуча зубами.

Страстная жалость к испуганной девушке охватила его. Он подумал, что если фрау фон Нордхайм действительно мертва, то он не мог уже ей ничем помочь, в то время как для дрожащей от страха Марты его присутствие было необходимо.

Виктор сел на диван рядом с девушкой. Марта крепко прижалась к его руке, так что он ясно слышал биение ее сердца и почувствовал как жизнь пульсирует в ее теле. Его охватило необычайное волнение.

– Умоляю Вас, Марта, успокойтесь, – Виктор произнес после недолгого молчания и почувствовал, что он сам постепенно теряет спокойствие. – И позвольте мне пойти и принести Вам что-нибудь теплое.

– Я не хочу! Я не хочу! Я боюсь! – повторила она и только крепче вцепилась в него.

Спустя некоторое время ему все-таки удалось освободиться.

– Я должен взглянуть на Вашу бабушку, – сказал он почти жестко. – Я не уйду далеко!

Марта молча встала и, держа его за руку, двинулась за ним, черный платок тащился за ее спиной, босые ноги белели на темном полу. Луна исчезла, но комната умершей все еще была наполнена тусклым светом. Виктор посмотрел на кровать, где лежала мертвая баронесса; ему вдруг показалось, что фрау фон Нордхайм улыбается глядя на них. При этом он боялся взглянуть на Марту, физическую близость которой он постоянно чувствовал, словно он нее исходила смертельная опасность.

– Как спокойно Ваша бабушка ушла из жизни, – сказал он растроганно. – Я хотел бы, чтобы Бог даровал нам такой же конец.

– Я не хочу умирать, я хочу жить – жить! – прошептала Марта и прижалась головой к его руке; внезапно силы оставили ее.

Виктор, наконец, оглянулся на нее. Ее волосы рассыпались золотой вуалью по ее плечам, ее босые ноги все еще стояли на холодном полу. Он подхватил девушку и отнес в свою комнату; ему казалось, что там теплее всего.

– Будьте благоразумны, Марта, – начал он, опустив ее на диван, – преодолите этот ужас и попытайтесь уснуть, никто больше не сможет помочь Вашей бабушке. – Оставайтесь здесь, на диване. Я присмотрю за фрау фон Нордхайм!

Несмотря на свинцовую усталость, навалившуюся на нее, Марта подняла тяжелые веки и снова схватила его за руку.

– Не уходите, – сонно пробормотала она. – Останьтесь со мной! – Вслед за этим ее голова опустилась на подлокотник, и глубокое, спокойное дыхание вскоре поведало о том, что к ней сошел лучший утешитель молодости – сон.

Она все еще держала Виктора за руку; осторожно, чтобы не разбудить ее, он освободился от ее пальцев, встал на колени перед диваном и долго смотрел на прекрасное лицо, которое, как ему казалось, он любил каждой клеточкой своего существа.

Беспомощность девушки, страх, который заставлял ее цепляться за него, вдруг сделал ее необычайно близкой ему; не осталось ничего, что разделяло бы их. И это казалось столь же естественным, как и ее внезапный порыв, с которым она бросилась ему на шею раньше.

– Его! – Его возлюбленная! – Его жена! – Мать его детей, как он когда-то видел ее в своих мечтах о будущем. Его счастье, все, чего он желал в этой жизни, было заключено в этом милом, детском существе, лежащем сейчас перед ним в глубоком сне.

Чувства Виктора были чистыми, еще не отравленными легкомысленной жизнью большого города. Его любовь к Марте, вдохновленная ее красотой и переплетающаяся с живым воображением, была столь же горячей и страстной, как большой и благородной, но – в то же время и очень опасной для той, которой она предназначалась. Он готов был отдать ей всего себя без остатка, но также требовал такой же отдачи для себя.

Обычно такие розовые щеки девушки все еще покрывала бледность от пережитого страха; из ее полуоткрытого рта вырвался судорожный вздох. Виктор наклонился и тихо поцеловал ее в губы.

Губы девушки были холодны и бледны, но от их прикосновения словно поток огня пробежал по его телу. Виктор резко повернулся и отошел к окну, за которым были видны только ночное небо и смутные очертания дома на противоположной стороне улицы.

Но куда бы он ни смотрел, повсюду перед ним стояло лицо Марты, во всех деталях, и его переполнило восхитительное чувство: как она красива! Все остальное перестало существовать для него. Перед ним неподвижно лежало прекрасное создание, белое лицо четко выделялось на фоне черной ткани, длинные ресницы опустились на щеки, дыхание было ровным и спокойным.

От перевозбуждения Виктор был не в состоянии заснуть. Однако, когда в комнате фрау фон Нордхайм часы пробили семь раз, он вздрогнул и словно очнулся от сна. За окном уже рассвело. Слабый свет через окно проник в комнату, и в предзаросветных сумерках вдруг показалось, что мебель повисла в воздухе. Затем стало светлее, и все очертания стали более четкими.

Марта пошевелилась. С бьющимся сердцем Виктор оглянулся. Девушка сидела выпрямившись на диване и испуганными глазами смотрела на место, где она находилась, и теплые покрывала, которыми она была укутана. Очевидно, она еще не совсем пришла в себя и не осознавала, где она находится и почему. Когда же она увидела, что к ней приближается Виктор, она вспомнила, что случилось.

– Господин Альтен... Боже мой! – прошептала она, и кровь внезапно прилила к ее лицу.

– Марта! – Марта! – Виктор взял ее за руки, страстно поднес их к своим губам. – Скажи мне, одно только слово – только одно... ты любишь меня? – ты хочешь стать моей женой?

Марта ошеломленно посмотрела на него; поначалу она даже не поняла, о чем он говорил. У нее было такое чувство, что она все это видит во сне; действительно ли это господин Альтен – знаменитый писатель, как недавно утверждал господин Грегор, – стоял перед ней на коленях и смотрел на нее. До сих пор никто никогда не смотрел на нее так – взглядом полным страстной нежности и обожания. – Его жена! – Слово поразило ее, она поняла, наконец, его значение, но как в свои шестнадцать лет неопытная девочка могла оценить то, что это значило для нее?

– Марта, – умолял он, – скажи хоть одно слово, – если ты хочешь сделать меня счастливым, скажи «да»!

Видя что девушка колеблется, Виктор вдруг осознал всю силу своего чувства к ней. Во время этого короткого молчания, которое длилось всего несколько секунд, у него внутри все похолодело. А в это время в голове у Марты проносились мысли, что ее бабушка умерла, что она теперь одна во всем мире и бедна, что Виктор зарабатывает много денег, и что она никогда больше не будет страдать от нужды – это не был хладнокровный расчет, но импульсивное, скорее подсознательное, чем осознанное чувство – что есть кто-то, кто будет снова заботиться о ней. И, наконец, в его глазах, в тоне его голоса было столько тепла и нежности, что она обняла его за шею и сказала: «Да», как он и просил.

III

Новость о смерти фрау фон Нордхайм глубоко тронула Грегора, несмотря на то, что они никогда не были в близких отношениях, и он немедленно отправился к Виктору, чтобы обсудить с ним будущее Марты. Он уже обдумал, что нужно было сделать в первую очередь.

Сияющее лицо его молодого друга поразило Грегора.

– Я думал, что приду в дом скорби, – мрачно проворчал он, – а у тебя такое лицо, как будто я попал на свадьбу.

– Ты не ошибся – ты не ошибся! – воскликнул Виктору и бросился другу на шею. – О, Грегор, я счастливейший из людей! Марта согласилась стать моей женой!

Резким движением Грегор освободился от объятий.

– Что ты сказал?

– Марта с этого этого утра моя невеста! – Ночью ... – давай, я тебе все расскажу!

– Ты считаешь, что поступил благородно и мудро, и что я со слезами на глазах протяну руки, чтобы благословить вас! – сердито воскликнул Грегор и ударил по столу кулаком. – Ты поступил глупо! Ужасно глупо – необыкновенно глупо! И более того – во вред твоему назначению!

– Я тебя не понимаю! – перебил Виктор. – Кажется, ты думаешь, что я связал судьбу с Мартой не имея твердой почвы под ногами, потому что она бедна, так же как и я. Но это не так! Вчера я продал свой новый роман и получил за него четыре тысячи марок, достаточно денег, чтобы жить долго и счастливо. Если я каждый год буду создавать только один роман, я смогу обеспечить хорошую жизнь для нас обоих, тебе не кажется?

Грегор мрачно рассмеялся.

– Просто привяжи камень к своим ногам, сын мой, если боишься взлететь слишком высоко, мне все равно! Но помни – в брак легко вступить, но очень трудно от него освободиться. В свою очередь, он несет с собой обязательства, о которых твоя юношеская голова еще не имеет никакого представления. И когда, наконец, ты поймешь что попал в ловушку, и что ты задыхаешься в ней, то ты проклянешь свою глупость и разобьешь себе голову, или станешь тираном для своей жены!

Виктор от всего сердца громко засмеялся.

– Ты говоришь сейчас как слепой о разнице в оттенках цвета, – сказал он снисходительно. – Что такой усохший старый холостяк как ты может знать о любви и браке?

Грегор насмешливо кивнул:

– В этом ты прав! Но любовь, сын мой, это иллюзия.

– Мы говорим о Марте! – воскликнул Виктор. – Ты ее не знаешь; она ангел, юная, нежная, полна лучших талантов, и мое предназначение – заботиться о том, чтобы все ее качества не померкли, но расцвели еще больше. Судьба женщины находится в руках ее мужа.

Грегор презрительно улыбнулся.

– Ты действительно очень молод, Виктор, – очень молод! – сказал он, наконец, гораздо спокойнее. – Настолько молод, что имеешь право видеть Афродиту в каждой портнихе. Однако, со временем нимб вокруг ее головы потускнеет и исчезнет. Самый лучший дар природы это отрезвление. Что касается вашего брака, я думаю, что четырех тысяч марок недостаточно даже для того чтобы построить хижину.

– Я уже говорил тебе, Марта очень непритязательна в своих желаниях! И даже если бы она не была такой, Грегор... – Снова его глаза засияли, рот растянулся в широкой улыбке, а все черты его лица выражали уверенность в своих силах и необыкновенную энергию, которые Грегор так любил в нем. – У меня есть достаточно таланта и сил, чтобы сделать счастливыми нас обоих! Каждый камень, на который я наступаю, рассказывает мне историю, каждый

плоток воздуха навевает мне сюжет. Все, что нужно сделать, это удержать то, что само идет мне в руки, и затем превратить это в деньги, и тогда я смогу дать Марте все, что она захочет, не делая больше того, к чему меня побудит моя собственная фантазия. Я люблю ее и хочу быть счастливым, хочу чтобы мы оба были счастливы – я и она! – Я очень этого хочу... Очень!

– Можно хотеть чего угодно и сколько угодно, но все, в конце концов, будет так, как должно быть. – Грегор сказал со вздохом. – Ничего нельзя достичь одним только желанием. Ну а теперь я могу поздравить Марту!

Марта сидела в комнате покойной на полу перед комодом, часть ящиков которого была вынута, а их содержимое лежало на полу. Ночные страхи исчезли с наступлением дня. Девушка была так увлечена, что не слышала как вошел Грегор. С опущенной головой и горящими щеками, она пристально смотрела в довольно большую, плоскую, продолговатую коробку, стоящую у нее на коленях. Только когда Грегор назвал ее по имени, она испуганно вздрогнула, коробка потеряла равновесие и упала на пол.

– Марта, – сказал он укоризненно, указав взглядом сначала на разбросанные вещи, а затем на покрытое покрывалом мертвое тело, – разве нельзя было сделать это позже?

Марта закусила опухшую нижнюю губу; что-то темное, враждебное было в выражении ее глаз, когда она взглянула на Грегора. Она молчала.

Грегор при взгляде на нее видел, что она не плакала, и ее бессердечное отношение к памяти умершей бабушки, которая заботилась о ней, когда она была слаба и беспомощна, возмутили его.

Своей худой бледной рукой он схватил девушку и насильно подвел к кровати, где лежала умершая баронесса.

– Она хотела Вам добра, Марта, – сказал он, глядя на мертвую со смесью жалости и уважения, – Вы должны сохранить хорошую память о ней.

– Нет! – упрямо крикнула шестнадцатилетняя девочка и отвернулась в сторону.

Грегор задумчиво посмотрел на нее. Та ли это девочка, которую он, по его мнению, так хорошо знал со всеми ее маленькими слабостями и ошибками? Он определенно не ожидал, что она скажет это.

– Почему нет? – спросил он, наконец. – Разве Ваша бабушка не делала все, что должна была делать для Вас? Разве это не стоит благодарности?

Марта пожала плечами и посмотрела на него со смесью сомнения и превосходства, но потом все, что она так долго держала внутри, вдруг вспыхнуло и вырвалось наружу перед лицом смерти.

– Как я могу оплакивать ее, – сердито закричала она, – если я ничего не знала от нее, кроме жестокости и брани! Насколько я помню, я не видела от нее ни ласки, ни даже намек на нежность! Кем я была для нее? Дочерью моей матери, ничего больше! Вы думаете, я не чувствовала той неприязни, с которой она со мной обращалась? Разве в том была моя вина, что она возненавидела мою мать? Почему я должна была страдать за то, что она не любила мою мать? Я не могу оплакивать бабушку, перед которой я всегда жила в страхе, иначе мне пришлось бы лицемерить, но я буду оплакивать мою мать, которую я никогда не знала, о которой я даже не знаю, жива ли она сейчас, которая предпочла скорее оставить меня, чем она выносить жизнь с бабушкой, – сейчас я плачу о моей матери!

Слезы полились из ее глаз, и она закрыла лицо руками.

– Почему Вы вспомнили сейчас о своей матери, Марта? – спросил Грегор смущенно.

Она опустила руки вниз и указала на коробку.

– Вот... – всхлипывала Марта... – Я нашла ее вещи.

Она подошла к комоду, взяла коробку, вытащила из нее завядший лавровый венок и выцветшую фотографию женщины. У фотографии была оторвана верхняя часть, где должна была быть голова. Девушка молча взяла ее в руки.

Грегор посмотрел на этих свидетелей бурного прошлого, а затем на умершую.

– Марта! Что Вы знаете о тяжести и жестокости человеческой жизни! Не будьте несправедливой, дитя мое!

Она вытерла слезы со щек тыльной стороной ладони.

– Бабушка была несправедлива ко мне, – возразила она, – я ее не любила и она меня тоже не любила, – но...

Тут Марта оглянулась на только что вошедшего Альтена, который слышал голос Грегора и рыдания Марты, доносившиеся из комнаты.

– Я люблю тебя, – она внезапно заплакала и бросилась ему на шею. – Да, я люблю тебя, Виктор – очень люблю!

Она крепко прижалась к его груди, и поверх ее золотистых волос Виктор бросил в сторону Грегора триумфальный взгляд.

– Моя дорогая, моя любовь, – шептал он умиротворенно, – ничего не бойся, я всегда буду рядом с тобой – всегда, пока мы живы!

Он еще многое хотел бы сказать ей, но девушка выскользнула из его объятий и немного отошла в сторону.

Она вытерла слезы со щек тыльной стороной ладони.

– Это Лена пришла, – сказала она, прислушиваясь к тому, что происходило за дверью. – Мы хотим перенести мою кровать к Даллманнам, потому что я хочу пожить там какое-то время. Я с нетерпением жду этого! – Марта исчезла за дверью кухни, и через несколько мгновений оттуда послышался ее особенный звонкий серебристый смех.

Грегор покачал головой.

– Она еще ребенок, непосредственный, очаровательный ребенок, – с энтузиазмом сказал Виктор. – Все в ней определяется сердцем! Я бы никогда не подумал, что Марта будет плакать по старой баронессе. Она была довольно жестока и недобра к ней.

Грегор снова покачал седой головой.

– Знаешь, почему фрау фон Нордхайм была так строга со своей внучкой? – спросил он осторожно.

– Наверное, потому, что она была ворчливой старухой, которая забыла дни своей молодости.

– Нет, причина была в другом – в душе Марты она пыталась задушить то дурное начало, которое, по ее мнению, досталось ей от ее матери. – Вполне логично, сын мой!

– Но это ужасная несправедливость! – раздраженно ответил Виктор. – Почему невинные существа должны расплачиваться за ошибки своих предков? Кстати, кто была мать Марты?

– Актриса!

– Ну, в таком случае я докажу вам, что дочь актрисы будет лучшей, благороднейшей, самой любимой женщиной на земле. В браке мужчине принадлежит главная роль, только от него одного зависит, что станет с женщиной.

Грегор молчал. Что он должен был ответить на это?

Вечером того же дня Марта сидела за столом в гостиной фрау Даллманн и держала перед собой открытую коробку. С любопытством Лена смотрела через ее плечо, и ее мать также принимала активное участие в обсуждении.

– Я думаю, Ваша мать не выдержала жизни со старухой, – сказала фрау Даллманн авторитетным тоном, протянув руку к фотографии без головы. – Актриса привыкла к другой жизни! Моя фройляйн – да, я прямо тебе скажу – моя фройляйн непременно поцапалась бы со старухой.

Она посмотрела на фотографию, от которой, как казалось, резким рывком оторвали верхнюю часть, где была голова изображенной там женщины. Бумага оканчивалась зигзагом,

но изящная шея, великолепные руки и теперь уже не современный, но в то время, конечно, очень элегантный туалет остались нетронутыми.

– Жаль, что голова пропала, – сказала Лена и порылась в коробке, – этот кусок мог заваляться где-то! Может, она была похожа на тебя, Марта!

Марта не ответила, она нашла и развернула желтый газетный листок, хрупкий на сгибах. Он тоже было наполовину разорван, словно в ожесточенной борьбе; название газеты и города, в котором она появилась, отсутствовало, но беспокойные глаза тех, кто теперь это читал, тем не менее, нашли достаточно.

Это был обзор пьесы. В помпезном стиле, бог знает откуда взятом, в заметке превозносили достижения актрисы «от Бога» Марты Коралин – современной Лорелеи. А затем следовал отрывок, в котором восхвалялась ее красота.

– Когда Фортуна осыпает подарками из своего рога изобилия, – говорилось там – случается, что кто-то один стоит посредине и получает все, тогда как другим не достается ничего. Среди этих счастливиц, которые едва осознают, каким богатством они владеют, мы видим фрау Марту Коралин. Ее глаза, как два солнца, ее волосы ослепительное золото ... – снова оторванный кусок. И затем в конце, – ... к счастью, мы хвалим ту, которая владеет этим сокровищем, знаменитую, одаренную красотой – носительницу благородного имени.

– Это была моя мама! – сказала Марта, глубоко вздохнув, отложив обрывок газеты с сохранившимся текстом. – Моя мама!

Фрау Даллманн вытерла слезы со своих глаз.

– Я всегда говорила и говорю сейчас – театр, это путь к достойной жизни! – Лена, ты добьешься успеха сама или с моей помощью!

– Разумеется, мама, я полностью с тобой согласна. Если бы Марта не решила выйти замуж, то она бы тоже выбрала театр, не так ли, Марта? Старуха мертва, теперь ты можешь делать, все что хочешь!

Марта отсутствующими взглядом смотрела на лампу, она думала о матери. После слов Лены она резко повернулась.

– Да, – воскликнула она. – Да! – но затем, словно опомнившись, она грустно добавила, – но теперь мне этого не позволит Виктор.

– Ах, Боже праведный! – сказала фрау Даллманн, покачав головой, – у мужчин свои представления о жизни! Будьте благоразумны, не говорите ему ничего об этом. Хотя надо признать, Марточка, для Вас это очень неплохой вариант. Если он зарабатывает столько денег, сколько обещал господин Грегор, то Вы будете хорошо обеспечены. В конце концов, мы все хотим выйти замуж!

Она потрепала Марту по щеке.

– Он уже сейчас готов для Вас на многое. Но Вы настолько красивы, что заслуживаете получить в десять раз больше.

– Конечно, он готов сделать для меня все что я пожелаю, – сказала Марта нетерпеливо. – Он ужасно любит меня, фрау Даллманн.

– А Вы, Марточка?

– Разумеется, я его тоже люблю! – Марта немного нахмурила лоб, ее щеки вспыхнули, и засохшие листья лаврового венка раскрошились под ее нетерпеливыми пальцами. У нее было странное чувство, словно она должна была скрыть от фрау Даллманн любой ценой то, что ее захватили с непреодолимой силой мысли о жизни матери, хотя все что она знала о ней, были слова ее бабушки, произнесенные с необыкновенным презрением: «Она была актриса – ничего больше».

– Если бы Вы были хотя бы на несколько лет старше, Марточка, – продолжала фрау Даллманн материнским тоном. – Ведь сейчас Вам едва исполнилось шестнадцать, – это так мало, чтобы связывать себя на всю жизнь.

Марта рассмеялась.

– Что Вы такое говорите! – воскликнула она и упрямо тряхнула своей белокурой головкой. – Виктор зарабатывает кучу денег, я могу хорошо одеваться, ходить в театр и иметь все, что захочу. Когда я выйду замуж, вы с Леной приходите ко мне и тогда сами увидите, как все вокруг будет замечательно, обещаете?

– Хм! Возможно, – задумчиво ответила фрау Даллманн. Она не хотела возражать, но будущее не казалось ей таким радужным, как неопытной хорошенькой шестнадцатилетней блондинке, которая сидела перед ней. Она действительно желала ей счастья.

IV

Молодые супруги не провели медовый месяц на итальянском побережье, о чем сначала мечтал Виктор, глядя на огромную сумму денег, которую принес ему его последний роман. Как оказалось, этого было недостаточно.

Он даже не знал, что в жизни двоих людей было так много вещей, без которых он прекрасно обходился до сих пор. Если бы это зависело только от него, то он не стал бы менять многое из того, что было до этого. Квартира, в которой они жили, полностью удовлетворяла его. Они оба были в этом доме очень давно; за это долгое время все здесь стало знакомо и привычно; здесь он заработал первые лавры, здесь он встретил Марту. Но Марта решительно сопротивлялась этому желанию.

– Что нам здесь делать? – спросила она с волнением и умоляюще посмотрела на него. – Даллманны уезжают, а для меня этот дом не связан с какими-либо приятными воспоминаниями, скорее наоборот. Неужели ты не хочешь сделать мне маленькое одолжение, Виктор?

Конечно, он уступил в этом и во всем остальном, о чем она просила. Он любил ее; легкая улыбка, нежное слово сделали его безвольным орудием в ее руках, и Марта, которая осознала это довольно скоро, была рада этому и пользовалась этим постоянно.

Она, которая никогда раньше не имела ни копейки своих денег, теперь стояла у витрин магазинов не со страстным, но невыполнимым желанием приобрести для себя понравившиеся ей красивые вещи, но с сознанием того, что она может иметь все, что ей хотелось. При этом с каждым днем ее желания росли, и Виктор был настолько слаб, что не мог ограничить ее ни в чем.

Грегор время от времени сердито качал головой, но однажды он не выдержал и сказал в присутствии Марты в своей ворчливой резкой манере:

– Поверь мне, Альтен, для влюбленного человека состояние почти глупого поклонения очень быстро может перейти в состояние раздражения и усталости. В начале он скажет «Нет»...

Дальше он не смог продолжить. В тот же момент белая, маленькая, но сильная рука Марты закрыла его рот, что вызвало улыбку у Виктора. Кому нужна была сейчас житейская мудрость Грегора?

В результате Альтены арендовали небольшой домик в центре сада, в том месте, где городская суета уже не чувствовалась. Там Марта почувствовала себя молодой хозяйкой, а Виктор вернулся к своей довольно запущенной работе.

Перед окном, у которого стоял его письменный стол, стояла цветущая липа, наполнявшая всю комнату сладким ароматом; через открытые окна падал свет с зеленоватым оттенком, птицы пели на ветках, а через низкие окна проникал запах цветов. С чувством невыразимого блаженства Виктор обнял свою молодую жену. Через несколько дней, когда Грегор впервые занял третье место за их столом, Виктор все еще под ярким впечатлением этого чувства сказал:

– Я счастлив – полностью счастлив, Хьюго!

– Счастье, – задумчиво отозвался Грегор. – Какое неизмеримо большое и в то же время какое маленькое слово! Оно обозначает и райское блаженство влюбленного и удовольствие фермера при виде дымящейся миски только что приготовленного супа. Для каждого это значит то, что он хочет в данный момент, но это никогда не обозначает то же самое для каждого из них.

Но именно ощущение счастья не позволяло Виктору снова вернуться к своей работе. Его жизнь была наполнена Мартой. Когда он садился за стол и пытался писать, он всегда невольно прислушивался к тому, что делалось за дверью. Ее звонкий голос отвлекал его настолько, что он терял нить; наконец, он вскакивал со стула, подбегал к двери, чтобы, по крайней мере, взглянуть, что она делает, и после этого он большим усилием заставлял себя вернуться к столу.

– Это должно пройти, когда я привыкну к новой жизни, – думал он. Всего год назад он не мог бы себе представить, что такое состояние вообще возможно. В то время он жил своей работой, думал только о ней, чувствовал себя полным творческих мыслей и идей, был здоров, весел, его будущее казалось радужным, а молодость вечной. А что было сейчас? – Марта – его молодая красавица жена – смогла заслонить все это, и она даже не подозревала, какой опасной соперницей она стала для его музыки.

Виктор хотел бы, чтобы праздник продолжался бесконечно. Однако, создание домашнего уюта, свадьба, медовый месяц, все это, в конце концов, требовало расходов. Поэтому, когда он открывал ящик своего стола, где лежала оставшаяся часть гонорара, он с неприятным удивлением видел, как быстро она уменьшалась.

Каждое утро Марта протягивала ему свою открытую маленькую ручку, чтобы он мог наполнить ее, и каждый вечер она со вздохом говорила ему, что у нее уже не осталось ни копейки от тех денег, которые она получила утром.

– Я даже не знаю, куда все это делось, – задумчиво говорила она и терла лоб указательным пальцем, – но их больше нет!

Конечно, когда он наполовину серьезно, наполовину шутя пытался выяснить, на что же ушли деньги, она не говорила ему, что большую часть из этого она потратила на свою одежду и мелкие украшения.

«Жена известного писателя должна была прилично одета» – так она аргументировала свои траты для себя, и была счастлива, когда ее муж или Грегор находили лестное слово для ее цветущей красоты. Она была тщеславна, эта молодая женщина, но она не переходила пределы дозволенного и даже строгая бабушка не смогла бы упрекнуть ее в расточительности.

Когда Марта шла по улице под руку с Виктором, не было никого, кто не оглядывался бы, чтобы еще раз взглянуть на прекрасное юное существо с нежным лицом ребенка. Но это не особенно трогало ее, она радовалась солнцу, ласкам мужа, вниманию прохожих как ребенок, которым она еще была и сейчас.

Лето прошло. С липы перед кабинетом Виктора резкий северо-восточный ветер ночью сорвал почти все листья, и ее сухие голые ветви дрожали в осеннем сыром воздухе.

Виктор сидел, подперев голову рукой, и смотрел на мелко исписанные листы, лежащие перед ним. Его лицо выражало явное недовольство. Период его счастья, который полностью заслонил от него работу, теперь отомстил ему. Настоящее оказалось совсем не таким, каким он его себе представлял. Чем дольше он читал написанное, тем более тусклыми и вымученными казались ему слова и фразы. Впервые в жизни он погрузился в депрессию, и хотя он стойко боролся с нею – все больше и больше она овладевала им.

Виктор слышал, как Марта пела на кухне, но сегодня это не вызывало у него желания пойти к ней. То, о чем он в этот момент думал и что чувствовал, его жена была не в состоянии понять, была не в состоянии вдохновить и поддержать его. Она была украшением его дома, источником веселья и радости, но он не мог даже подумать о том, чтобы искать ее участия в своих заботах. Проклятые деньги в ящике таяли все быстрее и быстрее! Сейчас он должен очень усердно работать! Когда он представлял себе тот момент, когда ящик будет совсем пуст, и ему нечего будет положить в протянутую руку Марты, он покрывался холодным потом. Впервые он почувствовал, хотя пока только в своем воображении, что к его ногам словно привязали тяжелый камень.

С тяжелым вздохом он открыл ящик. Там еще оставалось немного денег, которые до сих пор он так презирал! Но какими бы грязными и аморальными они не были, в них заключалась огромная сила. Виктор почувствовал что-то вроде отвращения к этим бумажкам, когда он представил как много рук оставили на них свои следы – изящные и грубые, чистые и грязные – словно это произошло только что. Он задвинул ящик. Нет, не из-за них он хотел сейчас

работать, но делать это для себя, творить из одного только удовольствия творить, от желания создать нечто стоящее. И создавать, не думая о вознаграждении.

Виктор решительно взялся за перо и начал писать. Но работа не шла – и он ничего не мог с этим поделать; как бы сильно он ни старался, у него ничего не получалось. По крайней мере, ему так казалось.

Он облокотился на стол, и, подперев голову руками, бездумно смотрел на трепещущие мертвые листья на мертвом дереве.

В это же время Марта стояла в своей уютной кухне и смотрела через окно на ранний, промозглый осенний вечер. Окно выходило во двор, но там не было ни деревьев, ни кустарников; в конце двора стоял большой квадратный контейнер, в который выбрасывали мусор, и ветер играл с разорванным листом газеты, угол которой торчал из груды пепла. Газетный лист распрямлялся, поднимался в воздух, трепетал на ветру, а затем снова падал обратно. Большие голубые глаза молодой женщины следили за этим маленьким обрывком бумаги, и в тишине, которая окружала ее, Марта вдруг осознала, насколько одинока она была на самом деле сейчас, даже более одинока, чем под строгим бабушкиным надзором. Раньше у нее всегда была возможность поговорить с Леной, а фрау Даллманн приносила домой новости о своей работе, Грегор и Виктор шутили с ней, и люди на улице восхищались ею. Теперь она была замужней женщиной, муж любил ее и был добр к ней, но на самом деле она представляла брак совсем по-другому. Теперь она постепенно начала понимать, что это была скучная монотонность, состоящая из сотни мелочей, о существовании которых она сначала не задумывалась.

Чудесное лето с его долгими прогулками закончилось. Виктор вот уже несколько дней сидел за столом с серьезным, вдумчивым выражением лица и сердился, когда она его беспокоила. Но у нее не было никого, кроме него, и даже Грегор, когда он приходил к ним по вечерам, больше не дразнил ее, а говорил с Виктором о том, что ей было неинтересно.

Если бы у нее была хотя бы одна человеческая душа! Но из всех людей, живших по соседству, она не знала никого, у нее не было никого во всем большом городе, так как Лена теперь училась в театральной школе, а фрау Даллманн больше никогда к ней не приходила. Она понятия не имела, что Грегор сказал доброй женщине, что ее визит не будет очень приятным для его молодого друга.

Разорванная газета снова закружилась в воздухе, и Марта смотрела на нее с неясным осознанием того, что ее попытки отвлечься были так же бесполезны, как попытки этого клочка бумаги улететь вверх.

Ее окружала мертвая тишина, нарушаемая только тихим тиканьем кухонных часов.

Марта вдруг вспомнила как в последний вечер перед помолвкой ей удалось увидеть изда- лека маленький кусочек блистательного мира, и теперь она внезапно поняла, куда направлены все ее желания и тайные надежды. В этот прекрасный, волшебный мир! «Вы очень – очень красивы», – сказал ей тогда неизвестный мужчина. Она знала, что теперь она стала еще краси- вее. Неужели сегодня вечером, как и каждый предыдущий день, они опять будут сидеть дома? Безрадостно – всегда одно и то же! Она уже знала наизусть рисунок обоев, на которые смотрела до боли в глазах, когда Виктор читал или писал, и она не хотела его беспокоить.

Маленький обрывок газеты снова затанцевал на ветру, и казалось, что он призывно пома- хал ей. Марта напрягла глаза и отчетливо увидела, что там было написано крупными жирными буквами – это был раздел объявлений. В ее глаза бросилось слово – театр.

Марта почувствовала, как огненная волна пробежала сквозь нее. Они должны пойти в театр – сегодня – прямо сейчас! Виктор уже давно обещал ей, однако, до сих пор этого не произошло. Признаться, часто вечера в их доме все-таки были приятными. Иногда прихо- дил Грегор. Но в этот вечер ничего не происходило, поэтому сегодня у него не было причин отказать ей.

Она порывисто отвернулась от окна, вбежала в комнату, где за столом сидел Виктор, и бросилась ему на шею.

– Давай пойдем сегодня в театр! – быстро проговорила она и почувствовала, как горят ее щеки и отчаянно бьется сердце.

– Сейчас? – воскликнул он удивленно и в то же время сердито. Ему только что пришла в голову интересная мысль и он хотел выразить ее словами, но от атаки Марты мысль улетучилась. Куда? Где ее теперь искать? – Ты меня отвлекаешь, я думаю...

– Подумай в другой раз, – попросила она настойчиво. – Ты же не можешь требовать, чтобы я вечно сидела дома и ждала пока ты окончишь свою работу, не так ли? Это так ужасно скучно, что я впадаю в меланхолию. Ты сидишь за своим столом, а я не могу вообще двинуться с места. Пожалуйста, пожалуйста, дорогой Виктор, сделай мне одолжение и увидь, что я все еще существую в этом мире!

Марта нежно прижалась к нему, целовала его лоб, волосы, глаза, как будто ее счастье зависело от сегодняшнего вечера. Виктор вздохнул, покачал головой, но на самом деле был рад, что на сегодняшний день можно покончить с бесплодной охотой за мыслями, и уступил мольбам Марты. Он притянул к себе ее белокурую голову и, помолчав немного, сказал:

– Ну что же, я не возражаю – пойдем в театр!

С криком радости Марта снова бросилась ему в шею. Она еще никогда не была так сильно возбуждена. Виктор взглянул на нее с удивлением. Он взял ее за плечи и, держа перед собой, внимательно всмотрелся в ее лицо.

– Ты так побледнела, дорогая женушка, – сказал он немного растерянно, – или это только игра света? Я бы никогда не поверил, что ты способна на такую страсть!

– Я так счастлива! – ворковала она как маленький ребенок. Но ее радость была не только из-за обещанного театра, но и оттого, что в этот момент в ней с новой силой пробудились воспоминания о ее матери. До сих пор Марта плохо понимала, что такое актриса; для нее это было всего лишь слово, не более того. Но сегодня вечером она увидит на настоящей сцене, что значит на самом деле быть актрисой. Она сама увидит и услышит, сама почувствует очарование этого мира! У нее было странное ощущение, что там она встретит во плоти свою незнакомую мать, которую она только смутно представляла в своих туманных мечтаниях. Но она не сказала об этом мужу. На пути в театр она много разговаривала и смеялась, даже больше, чем обычно.

– Ты так возбуждена, – сказал Виктор, смеясь, когда снял шаль с ее светлых волос. – Я никогда не видел такого счастливого дитя! – И он сам был счастлив, что предоставил ей это удовольствие.

Виктор привел Марту в ближайший театр, где шла французская комедия нравов. Веселая, пикантная, полная той легкой фривольности, которая характерна только для французов. Марта была очарована. Ее лицо с широко открытыми глазами ребенка сияло. Она совершенно забыла о себе и о своем окружении. Она даже не заметила, что ее красивое лицо вызвало восхищение публики. Это новое, неизвестное удовольствие полностью заглушило ее обычное тщеславие.

Впечатления так захватили молодую женщину, что она была не в силах ни говорить, ни думать. Она хранила молчание.

Виктор, которого сначала забавляла ее реакция, взволнованно посмотрел на нее и, наконец, слегка прикоснулся к руке и озабоченно спросил:

– Что с тобой, Марта? Почему ты молчишь?

– Ах, оставь меня! – Марта нетерпеливо обернулась и взглянула на него. В ее глазах было что-то странное и чужое, что он видел в них впервые. Как сильно это выражение изменило их!

Увидев это, Виктор пожалел о выборе пьесы; возможно, другая лучше подошла бы для нее, но он полагал, что его маленькая, невинная жена только весело проведет время. Эта вдумчивая серьезность удивила его.

Если бы он только мог знать обо всем, что творилось в ее душе!

Для Марты красивая блондинка, которая смеялась и плакала на сцене, не была чужой; это была ее мать – актриса, профессия, которую бабушка никогда не простила ей, за которую она ненавидела ее, и эта неприязнь распространилась на ее дочь. Возможно, уничтоженное лицо на изуродованной фотографии имело черты, сходные с чертами актрисы, стоявшей перед ней на сцене, возможно, ее мать только что где-то сыграла такую же роль перед восхищенной публикой.

Аплодисменты, которые сейчас звучали вокруг, Марта восприняла как дань уважения той, о которой до сих пор она слышала только презрительные высказывания. Гордость и радость переполнили ее, когда она подумала, что она дочь женщины, чье появление радовало сотни людей каждый день, которую встречали овациями и ликованием, и которая вырвалась далеко за пределы маленького мирка, в котором она чувствовала себя рабыней. Ее взгляд внезапно стал жестким, и она сама этому поразилась. То неизвестное, прекрасное, что до сих пор так манило ее, и чему она не могла придать определенную форму или дать определенное имя, но тревожный эффект которого она чувствовала иногда в часы одиночества, теперь внезапно сбросило вуаль и стало осязаемым.

Театр – вот ее предназначение! Ее место там – там, где была ее незнакомая мать. Это было бы исполнением всех желаний, это было бы счастьем, настоящей жизнью и блаженством, и это все у нее украли!

Со смехом зрителей, реагирующих на острые реплики, звучавшие со сцены, сердце Марты наполнялось ненавистью к умершей бабушке. Если бы не старуха с каменным сердцем и костлявыми руками, которая никогда не выпускала из своих цепких пальцев то, что однажды попало ей в руки, ее мать, конечно, никогда бы не бросила ее. Тогда она могла бы расти в этой атмосфере восхищения, познать удивительный мир и познакомиться с интересными людьми, и, может быть, теперь она сама стояла бы на сцене, смеясь, флиртуя и разговаривая, как те, что были перед ней.

С широко открытыми глазами Марта смотрела на актрису, исполняющую главную роль; она вдруг увидела себя стоящей там в великолепном платье с длинным синим атласным шлейфом; на ней сверкали бриллианты, из-за нее сражались мужчины, и это видение было настолько явным, что она сидела в оцепенении, словно околдованная, даже после того, когда занавес уже упал и свет снова загорелся в зрительном зале. Виктор дважды заговаривал с нею, не получая ответа. Наконец, Марта с коротким приглушенным возгласом провела рукой по глазам.

О! Ее сон закончился. Серая монотонная реальность повседневной жизни снова окружила ее.

Марта молча оделась, молча вышла с мужем на улицу. – Это было так непохоже на нее.

– Ну, – шутливо сказал Виктор, – ты молчишь, потому что пьеса усыпила тебя?

– Усыпила? – машинально повторила Марта. – О, нет, это было так прекрасно, Виктор!

– Я видел, что ты совсем потеряла чувство реальности! Ты даже забыла, что я все еще существую в этом мире.

– Да, – призналась она все еще необыкновенно отсутствующим тоном, затем придвинула свое лицо совсем близко к нему и прошептала. – Ты знаешь, чего я хочу, Виктор? Быть актрисой, как моя мать!

Виктор рассмеялся.

– Это благочестивое желание возникает у многих, кто видит только праздничную сторону театра, но на самом деле, дорогая женушка, твое положение несравненно лучше! Только подумай – каждый вечер ты должна выходить на сцену независимо от того, какое у тебя настроение. Что касается тебя, то ты всегда можешь наслаждаться покоем в своем уютном доме, у тебя есть муж, который любит тебя... – Он нежно наклонился к ее белокурой головке. Но Марта стремительно вырвала свою руку из-под его руки и остановилась.

– Что случилось, Марта? – спросил он, удивленный этим внезапным порывом.

– Я обронила свою шаль – подожди минутку! – Она стала торопливо шарить под своей белой накидкой. Виктор с готовностью предложил ей свою помощь, хотя он не видел никакого беспорядка в ее одежде.

– Почему бы тебе не написать такую пьесу? – неожиданно спросила Марта и, идя рядом с ним, посмотрела на него широко открытыми глазами. – Ты можешь это сделать?

Виктор покачал головой.

– Нет, дитя мое, моя муза серьезнее. Я не могу так поступить с ней, развлекая толпу легкомысленными и фривольными шутками, – мне было бы стыдно за это. Желание творить, которое живет во мне, Марта, не связано со стремлением непременно стать знаменитым. Если мои произведения доставят радость лишь немногим, кто разделяет мои чувства и мысли, – этого будет для меня достаточно. Я не хочу развлекать, я хочу, чтобы мои книги захватывали и потрясали.

– Ах, – сказала Марта очень серьезно, – если бы ты спросил меня, – я бы честно призналась тебе, что мне больше понравилась бы пьеса, похожая на ту, которую мы только что видели!

– Значит ты ставишь автора этой пьесы выше своего мужа? – спросил он с улыбкой, но все-таки с затаенной обидой.

– О, несомненно! Если бы ты, Виктор, написал что-то подобное, то – да, тогда бы я поверила, что ты действительно отличаешься от всех остальных!

– А сейчас ты не веришь в это?

– Не сердись, но... – она запнулась, глядя ему в лицо.

– Просто скажи это, Марта, – сказал Виктор спокойно и открыл перед ней входную дверь.

– Это ужасно скучно иметь дело с такими правильными людьми, как в твоих книгах, – продолжала Марта с неким упрямством. – Они все необыкновенно серьезные и благородные, и я бы никогда не смогла стать такой, потому, что я обыкновенный человек, и ты, Виктор, тоже не будешь таким. Помнишь, как ты сердился и выговаривал мне, когда котлеты подгорели, и еще вчера, когда я не вытерла всю пыль на твоём столе.

Она посмотрела на него сбоку с лукавой улыбкой, и ему не оставалось ничего другого, как тоже улыбнуться.

С того вечера в маленький домик в саду проник и тайно воцарился совершенно новый дух. Марта достала порванную фотографию своей матери и прикрепила ее к стене вместе с пожелтевшим лавровым венком. Там же на светло-голубой ленте она повесила обрывок газеты с частью рецензии. Это стало чем-то вроде ее домашнего алтаря. От этих реликвий забытого прошлого протянулись невидимые нити, которые проникли в ее настоящую жизнь и тянули ее в новое будущее. У нее было достаточно свободного времени, чтобы думать и мечтать! – Виктор хотел чтобы его не отвлекали насколько это возможно; он усердно работал, но не с ясной головой, не со счастливым самозабвением, не с гордой уверенностью в своих силах, как это было раньше, а более нервно, более критически; и все чаще наступали моменты, когда он не мог избавиться от неясной тревоги и душевной усталости. Он вспоминал, как Марта критиковала его книги. – «Глупость! Ребячество!» – повторял он, успокаивая себя, и все же – и все же! – капля горечи осталась в его сердце и часто отравляла радость творчества в самый неподходящий момент.

Другие могут думать так же как и Марта! Она все-таки была его женой. И внезапно Виктор спросил себя, а действительно ли он создает что-то стоящее? Эта мысль поселила в его душе неуверенность, заставила его колебаться и сомневаться в том, что раньше казалось интересным и бесспорным, когда он творил, не задумываясь о том, что это принесет ему – похвалу или порицание, вознаграждение или отказ. Теперь он больше не мог себе позволить слепо следовать своей фантазии, он должен был думать о будущем, и именно это парализовало его сердце и мозг.

Он скрывал свои заботы от Грегора, он боялся его насмешек, но еще больше его спокойного взгляда, с которым его друг мог читать его душу, как если бы она лежала перед ним как открытая книга. Ему было стыдно перед Грегором. И тогда он приписывал все, что давило на него, сезонному физическому недомоганию, ибо зима пришла суровая, и снег лежал на сухих ветвях липы.

По-видимому, Грегор не замечал, что происходит с Альтенем, он не пытался вызвать его на откровенный разговор, тем более, что Марта часто сама делилась с ним своими проблемами. Ей нужно было с кем-то поговорить о том, что у нее на душе, а Виктор, как ни странно, не был достаточно близок ей.

Когда Марта видела, что Виктор усаживался за стол в рабочей комнате, она проскальзывала в спальню, сооружала из своего гардероба некое подобие театрального костюма и играла по памяти те сцены, которые произвели на нее самое глубокое впечатление во время посещения театра и которые почти осязаемо стояли у нее перед глазами.

Это была всего лишь детская игра, но она доставляла молодой женщине истинное наслаждение. Театр оставался единственным светлым пятном в ее скучной однообразной повседневности, ее единственной страстью. Она постоянно донимала мужа просьбами снова доставить ей это удовольствие, и когда Виктор, наконец, потерял терпение и наотрез отказал ей в этом, она обратилась за поддержкой к своему старому другу Грегору.

– Разве я прошу так уж много? – жаловалась Марта. – Что у меня есть в жизни? Ничего! Совсем ничего! Иногда мне кажется, что раньше я была намного счастливее – по крайней мере, у меня была Лена, – а кто у меня есть сейчас?

– У Вас есть Ваш муж, Марта!

Она задумчиво посмотрела на него снизу вверх.

– Да, я тоже так думала, но на самом деле все не так. Я мешаю ему, когда я прихожу в комнату, он говорит мне, что ему нужно работать, чтобы зарабатывать деньги, дом такой дорогой! Ну а сейчас...

– Что происходит сейчас? – быстро спросил Грегор, немного поколебавшись.

– Сейчас я остаюсь наедине со своими мыслями, – закончила она энергично. – Но иногда я убеждена, что было бы лучше, если бы я вообще не выходила замуж, а стала такой, какой была моя мать.

Она устремила свой взгляд мимо него в окно.

– Вы, Марта, должны быть благоразумной! – сказал Грегор, качая головой. – Конечно, Виктор должен работать, но для кого – для Вас! Вы должны отнестись к этому с пониманием и уважением, чтобы не волновать его понапрасну, он этого заслуживает – в конце концов, он старается, чтобы обеспечить Ваше будущее.

– Но я хочу жить сейчас, – воскликнула она. – Слышите, Грегор, жить! Мне недостаточно готовить обед для Виктора, а потом думать об ужине, вытирать пыль и стирать его вещи, я хочу больше!.. Мое одиночество делает меня очень несчастной – ужасно несчастной!

– Мне жаль Вас, Марта, – сказал Грегор очень сухо. – До сих пор я считал, что для женщины быть женой это высокое, прекрасное предназначение, если правильно его понимать. Что же кажется Вам более притягательным и достойным?

– Вот это! – почти крикнула Марта и указала пальцем в угол, где висела фотография в лавровом венке. – Она тоже была женой, моей матерью, и мой отец очень сильно любил ее, а другие люди восхищались ею.

Она подскочила к стене и вернулась с обрывком газеты.

– Посмотрите сюда – читайте – и скажите мне, не была ли моя мать великой актрисой!

С триумфом Марта наклонилась вперед и смотрела ему в лицо сверкающими глазами, пока он изучал потускневшие строчки – медленно – раздумывая, что было бы для нее лучше – лишиться этой иллюзии или сохранить ее. Он был достаточно хорошо знаком с бульварной

литературой, чтобы понять, что эта рецензия была напечатана в каком-то провинциальном городе, что автор, скорее всего, находился под влиянием только красоты актрисы, а возможно, и звона монет. Он ни на секунду не сомневался, что старая фрау фон Нордхайм была права, когда видела в невестке не более чем третьеразрядную актерку, но нужно ли было лишать ее дочь памяти о ее матери, которую она никогда не знала?

И поэтому он серьезно вернул ей газету и сказал:

– Пусть память, которую Вы храните о своей матери, останется нетронутой, Марта!

Но утешьте себя тем, что лавры не могут вырасти для всех!

Марта смотрела на него с нетерпением и некоторым разочарованием, но она молчала.

В тот же вечер Грегор сказал Альтену:

– Только не поощряй у Марты увлечение театром, это слишком сильно будоражит ее воображение. Она еще так молода.

Виктор с сердитой улыбкой открыл злополучный ящик.

– Даже если бы я захотел это сделать, мизерные остатки здесь все равно не позволили бы этого!

А потом он вскочил со стула и, проведя рукой по волосам, мучительно произнес:

– Эти проклятые деньги! Эти жалкие деньги! Он порабощают душу и сковывают ее цепями!

– Уже? – спросил Грегор, удивленно взглянув на друга.

V

Осенний ветер за окном снова срывал увядшие листья с ветвей липы, и Виктор вновь неподвижным взглядом смотрел на мрачные серые сумерки, а рука бессознательно играла с пером.

Прошло уже три года с тех пор, как они женаты, – три тяжелых, напряженных года, которые истощили его воображение и состарили его тело. На его красивом лице со следами духовной усталости появились складки вокруг рта и глаз, и оно сейчас еще больше напоминало лица стариков на картинах Веласкеса. Выражение лица стало нервным и напряженным. Он всегда был раздражен, эгоистичен, требовал от окружающих постоянного внимания по отношению к себе. Небольшой садовый домик часто являлся свидетелем бурных сцен между мужем и женой, хотя они старались как можно меньше контактировать друг с другом.

– Марта! Марта! – Виктор вдруг позвал так громко и резко, что это эхом отразилось от закрытых окон, но ответа не последовало.

– Марта! Марта! – он почти выкрикнул и нахмурил лоб.

– Фрау Альтен ушла, – сообщила, наконец, горничная, прибежав из кухни.

– Куда?

– Я не знаю!

– Как давно она ушла?

– Ну, часа два назад!

Улыбка мелькнула на его плотно сжатых губах, очень злобная.

– Хорошо, Полина, иди!

Несмотря на холод, он открыл окно и высунулся наружу. В нем кипела злость. Он прекрасно знал, куда обычно ходила Марта, как только она заканчивала свои дела на кухне и в доме. К Лене Даллманн!

Если быть справедливым, то Виктору не следовало винить жену, но как только возникает вопрос о собственном комфорте, трудно быть справедливым. И опять же – он не пренебрегал ею умышленно, необходимость работать, чтобы обеспечить нужды повседневной жизни, вынуждала его делать это!

Виктор вспомнил о трех годах своего брака и признался себе, что не нашел того, чего ожидал с такой уверенностью. Он страдал от неизбежного разочарования, которое наступило под влиянием повседневных забот, и чем безоблачнее были до этого его иллюзии, тем более болезненно он переносил однообразную семейную жизнь.

«Как душит меня этот брак с его непрекращающимися заботами и обязанностями,» – подумал он, поглаживая горячий лоб, и тут же испугался собственных мыслей.

Он увидел, как Марта вошла во двор и поспешил закрыть окно.

На ней было черное платье и облегающий жакет, маленькая черная шапочка на светлых волосах и букет гвоздик в руках – редкость для этого времени года.

Виктор не мог не признаться себе, что не было ничего более соблазнительного и очаровательного, чем эта молодая женщина со свежим детским лицом, мягкими движениями и цветущей фигурой, но все же он не мог избавиться от легкого чувства раздражения. Это была та же Марта, которой он когда-то так горячо поклонялся, но постепенно, шаг за шагом, без его ведома, ореол, который он создал вокруг нее, потух. Она стала для него тем, кем она была на самом деле, – женщиной со слабостями и ошибками, с претензиями и нереальными мечтами, с желанием получать удовольствия и постепенным осознанием своих прав. Он ошибочно полагал, что ради нее ему придется идти на жертвы, и поэтому достигнутое им счастье теперь казалось ему весьма сомнительным.

Снаружи горничная тем временем сказала:

– Господин Альтен звал Вас, фрау Альтен.

– Ах, так!

Марта медленно сняла жакет и шляпку; она не торопилась.

– Он был очень зол, – шепотом сообщила горничная.

Марта не ответила, ее мысли были заняты другими вещами. Она привыкла к постоянной смене в настроении Виктора и не очень обращала на них внимание.

– Чего ты от меня хотел? – спросила она, войдя через некоторое время в комнату и садясь рядом с его столом. – Ты звал меня.

– Где ты была? – спросил Виктор в ответ и при этом не мог избавиться от некоторой резкости в своем тоне.

– У Лены. Я пошла к ней на минутку только потому, что хотела увидеть ее новое платье; оно только что пришло от портного. О, Виктор, ты не можешь себе представить ничего красивее...

– Избавь меня от описания деталей, – резко оборвал ее Виктор. – Если твое настроение зависит от гардероба Лены Даллманн – то меня это не интересует.

– Ты бы думал иначе, если бы только однажды увидел такое, – сказала она и положила свою пухлую руку на стол. – Смотри, она подарила мне браслет. Разве это не мило? Ее собственные украшения, безусловно, более дорогие, – а кружева и вышивка, а платья и пальто, которые она носит с тех пор, как она стала работать в театре! Это больше не прежняя Лена, она достойна большого уважения, и я уверена, что фрау Даллманн очень гордится своей дочерью. Лена больше не зависит от заработка ее матери, и сейчас у них в комнате всегда цветы, как будто в саду.

Виктор нетерпеливо постучал ногой по полу.

– Марта, мне почти стыдно, что ты – моя жена – интересуешься только платьями и побрякушками. Общение с Даллманнами, похоже, не очень положительно влияет на тебя.

Марта посмотрела на него вызывающе.

– Мне очень нравится красиво одеваться и хорошо жить, мне кажется, что каждый, кто высоко ценит себя, должен к этому стремиться; если у меня этого нет, конечно, я это терплю, но это мне совсем не нравится.

– Значит, ты недовольна своей жизнью?

Марта прикусила нижнюю губу, посмотрела вниз на пол и нахмурила лоб.

– Почему ты спрашиваешь меня об этом, Виктор?

– Потому что я хочу это услышать, услышать как ты неблагодарна по отношению ко мне, – воскликнул он возмущенно. – Я работаю для тебя, я жертвую всем ради тебя, а ты – ты измеряешь свое счастье стандартами гардероба Лены Даллманн.

– Ты меня всегда упрекаешь в том, что ты делаешь для меня, – закричала она с горящими глазами, – но разве я тоже не делаю все, что в моих силах? И если я действительно провожу свободное время с Даллманнами, не все ли тебе равно, потому что я тебе вовсе не нужна?

– Я не желаю этого общения, – продолжал он, немного спокойнее, – оно не идет тебе на пользу. Я достаточно хорошо знаю семью Даллманн, чтобы хорошо представить их сегодняшнюю жизнь. Моя жена должна стремиться к чему-то большему...

Марта вскочила со стула и близко подошла к Виктору. Выражение непреклонной решимости, которое так редко появлялось на ее красивом лице, полностью изменило ее.

– Я скажу тебе то же, что и бабушке, – я не собираюсь тебя слушаться! Лена – моя подруга, мы вместе ходили в школу и провели половину жизни вместе; мне достаточно ее образования, потому что она такая же, как и я, и хотя фрау Даллманн тоже заботилась обо мне, Грегор за моей спиной запретил ей приходить сюда. Она честная женщина, она всегда хорошо ко мне относилась, и то, что она работает несколько не оскорбляет меня – мы тоже работаем.

– Они льстят тебе, это тот магнит, который тянет тебя к ним! – Виктор крикнул пренебрежительно.

Марта разозлилась.

– Они добры ко мне, и я начинаю ценить это, – сказала Марта, отвернувшись, и стала крутить подаренный браслет, чтобы не показать мужу, что она была готова расплакаться.

– Ну что же, иди туда, – холодно сказал Виктор, стараясь контролировать себя. – Я не могу заставить тебя делать что-то против твоей воли. Если ты предпочитаешь общество Даллманн моему, иди!

Марта остановилась на мгновение, колеблясь. Стоит ли ей уступить ему? Но, делая это, она потеряет единственное развлечение, которое у нее сейчас было. И это было так безобидно! Слушать о театре, куда она не могла больше ходить, перебирать руками кружева и украшения Лены, вот и все! Почему Виктор хочет лишить ее этого?

Марта вспомнила о своей радости, когда она узнала, что Лена вернулась в город; наконец-то, она не будет одинокой! О, какое удовольствие доставляли ей ежедневные разговоры с ее бывшей подругой! Она не могла ответить, что в них было особенного. Она только сейчас поняла, что по-настоящему недовольна своей судьбой, так как могла сравнить свою жизнь и жизнь Лены.

Марта молча вышла из комнаты; всегда, когда ей приказывали, у нее внутри возникал протест. Так было до этого с бабушкой, и так было сейчас с ее мужем.

В состоянии еще большего раздражения, чем раньше, Виктор остался у своего стола.

«Ах, если бы только пришел Грегор. Может быть, мне нужно его найти самому?» – подумал он, вставая; но тут он почувствовал себя таким несчастным, что бросился на диван и уткнул голову в подушки. Жизнь никогда не казалась ему такой бесцельной и пустой, как сейчас.

За этим серым, мрачным днем последовали другие, которые были не лучше, и когда Виктор после длинной вереницы коротких и скороспелых рассказов снова, наконец, закончил большой роман, он почувствовал опустошенность и разочарование сильнее, чем когда-либо до этого.

Держа перед собой готовую рукопись, он впервые откровенно заговорил с Грегором о своем душевном состоянии.

– Моя способность творить покинула меня, – с необыкновенной горечью в голосе произнес он, положив голову на руки, – в моем мозгу я чувствую только мертвенную пустоту, которую я не могу преодолеть. Жизнь, на которую я обречен, убивает меня, уничтожает во мне все светлое и радостное. Невозможно создать живой образ, когда ты полностью отрезан от всего мира, нельзя это сделать при помощи одной только фантазии. Фантазия помогает приукрасить, углубить образ, но в качестве основы должна служить настоящая жизнь. Чтобы создать достоверные характеры, необходимо наблюдать и изучать их в реальной жизни. Среди той обыденности и пошлости, которая меня окружает дома, рядом с Мартой, которая не понимает меня и все интересы которой ограничены только разговорами о тряпках и побрякушках, я не могу творить как прежде. Помоги мне, Грегор, найти выход, возродить в душе погасшую искру, или я погибну!

– Почему ты мог выносить все это раньше? – спросил старый друг с сомнением в голосе.

– Если бы я знал! Если бы я вообще знал, что происходит внутри меня! Я знаю только одно, что при такой жизни я медленно угасаю, – ответил он, тяжело вздохнув.

– Ты должен нести ответственность за все глупости, которые совершил! И я считаю, что ты их все еще совершаешь. Марта не самая худшая жена, и если ей тоже хочется радостей в жизни, как ты можешь упрекать ее за это?

– Я думал, что ты не будешь оценивать меня по тем же меркам, что и Марту, которую полностью удовлетворяют отношения с Даллманнами, – с раздражением сказал Виктор. – Как

можно даже отдаленно сравнивать эту женщину со мной? Часто утверждают, что умные женщины губят мужчин, а я скажу тебе, что все наоборот, их губят глупые женщины, которые не могут увидеть ничего за их ограниченным мирком, которые не знают, как быть помощницей мужа как в радости так и в лишениях. Они опустошают жизнь, лишают ее возвышенного смысла. Самая большая ошибка, самое большое разочарование в моей жизни – это Марта!

– За этим могут последовать и другие разочарования, и они могут быть еще более горькими! Бедная маленькая Марта! Ты хотя бы знаешь, что происходит у нее в душе, к чему она стремится, что ее волнует?

– Самые ничтожные вещи, – с презрением сказал Виктор, – вещи, которые мы едва можем понять. И в то же время в ней живет необыкновенное чувство реальности, которому я могу действительно позавидовать. Для нее имеет ценность только материальное. Поверь мне, я знаю ее достаточно хорошо.

– И все же ты поступаешь с нею несправедливо, – взволнованно воскликнул Грегор. – Это самая вопиющая несправедливость, когда-либо совершаемая по отношению к другому человеку. Требуешь ли ты от нее чего-нибудь, кроме удовлетворения своих телесных потребностей? Принимаешь ли ты во внимание ее молодость? На все эти вопросы я не нахожу ничего кроме «нет»! Ты тиран, но при этом ты хочешь выставить себя мучеником, приносящим себя в жертву, – таково мое мнение!

– Марта знает, как добиться своего, – усмехнулся Виктор. – Так что же – в твоих глазах она – женский идеал?

– Идеалы принадлежат другой сфере, – ответил Грегор раздраженно.

– Если бы ты мог понять, как это мучительно, если ты вынужден отказаться от них. Как я был счастлив, когда у меня были идеалы! – сказал Виктор в порыве отчаяния.

В отвратительном настроении он покинул Грегора и бесцельно шел по улицам города, где только начиналась вечерняя жизнь.

Снег скрипел под ногами, яркие звезды мерцали на темном небе. Чем ближе он подходил к центру города, тем быстрее росла вокруг него толпа людей, и это немного его развеяло. После долгой напряженной работы, в которую он полностью погрузился в последнее время, ему была необходима разрядка.

Виктор бесцельно брел вдоль улицы, почти не обращая внимания на окружающую его обстановку. Свежий холодный воздух и поскрипывание снега доставляли ему удовольствие. Мимо него проехала элегантная машина. Невольно, его мысли обратились к людям, сидевшим в ней. Они, безусловно, принадлежали к тому миру роскоши и богатства, который ему был неведом и которому так страстно завидовала Марта. Он следил глазами за машиной; в тот же момент он услышал резкий грохот и увидел, как машина врезалась в грузовик. Виктор быстро подбежал к месту происшествия.

Шофер пытался открыть дверцу машины.

В то же время Виктор присоединился к нему, и совместными усилиями им удалось открыть застрявшую дверцу.

Из машины вышла женщина. Высокая, стройная фигура, благородная осанка и изящные движения. На ней была плотная, тонкая белая вуаль, из-под которой сверкали серые, как сталь, глаза. Белая кружевная шаль покрывала белокурую голову и концы ее свободно спадали на ее синюю элегантную театральную накидку. Тонкий аромат дорогих духов окружал ее и заглушал естественный аромат свежих красных роз, букет которых она держала в руке.

Стоя обеими ногами на асфальте, женщина взглянула на окружающую толпу с полным безразличием, словно ничего не замечая, затем слегка нагнулась, рукой приподняла край шелкового платья, которое было под накидкой, и оглянулась вокруг, решая как ей перебраться на другую сторону дороги. Однако в этот момент театральный бинокль в красном бархатном

футляре, который она также держала в руке, упал на землю; Виктор поднял его и протянул владелице.

Женщина взяла бинокль из его рук и взглянула на него с выражением благодарности. Под этим взглядом очаровательной незнакомки Виктор сказал несколько смущенно, но очень вежливо:

– Позвольте мне провести Вас сквозь толпу, мадам.

Снова окинув его взглядом, она кивнула.

– Вы окажете мне услугу, сделав это.

Ее голос был мягким и глубоким. «Именно так и должна она говорить», – подумал Виктор, идя рядом с ней, и его вдохновенное воображение вдруг было разбужено этой незнакомкой, которая так внезапно явилась перед ним и воплотила в себе все то, чего он так страстно желал и по чему так долго тосковал.

Стоя на противоположном тротуаре, незнакомка внимательно посмотрела вдоль улицы направо и налево, ища свободную машину. Множество машин проскакивало мимо них, но все они были заняты.

– Мне придется идти до театра пешком, – с легкой досадой в голосе сказала она. – Ждать здесь на дороге еще более неприятно.

– Могу я сопровождать Вас? – не очень уверенно спросил Виктор. – До перекрестка едва ли десять минут хода.

Она вновь посмотрела на него так, как смотрят на слугу, прежде чем дать ему задание.

«Если бы она только знала, кто я такой», – подумал Виктор самоуверенно. У него возник соблазн сказать ей об этом, чтобы ее надменное лицо обратилось к нему с большей симпатией. Он был слишком неопытен в этой жизни, чтобы понять, что его известность пока не была достоянием всего мира. Все, кого он встречал в своем небольшом кругу знакомых, знали его и интересовались им, и в его наивном представлении он верил, что так его должны встречать и воспринимать везде.

У нее больше не было вопросов.

– Я принимаю ваше предложение, – надеюсь, это не слишком нарушит ваши собственные планы, – сказала она очень вежливо.

– По правде говоря, у меня не было никаких планов! – ответил Виктор, кажется, задетый тем, что ее мало волновала причина, по которой он вызвался ее проводить. – Могу я помочь Вам нести что-нибудь?

Незнакомка с улыбкой протянула ему букет, к которому был прикреплен длинный яркий шелковый бант.

– Возьмите тогда вот это, он мне очень мешает. Но чтобы не выглядеть как жених, оберните ленту вокруг цветов! – Вот так! – Спасибо!

Они молча двинулись дальше. Виктор ломал голову, как завязать разговор, который хоть немного выходил бы за рамки банальностей повседневной жизни, но ничего не мог придумать.

– Вы придете в театр слишком поздно, – сказал он, наконец, отказавшись от попыток найти что-нибудь оригинальное. – Уже восемь часов.

– Это неважно. Тот, кто посещает театр так часто, как я, и так знает все до мелочей!

– Но зачем тогда Вы идете туда? – спросил он в изумлении.

– По Вашему, я должна скучать дома?

Она повернулась лицом к нему и посмотрела ему прямо в глаза все тем же холодным, излучающим взглядом, но на этот раз на ее губах появилась улыбка.

– Конечно, Вы вряд ли знакомы со скукой по собственному опыту, – добавила она.

– Почему Вы так думаете?

– Потому что Вы еще слишком молоды, чтобы скучать. Скука принадлежит нам, кто уже познал в жизни все, для кого завтра похоже на сегодня, и кто смирился с этим, осознавая, что это всего лишь неизбежное повторение повседневного однообразия.

– Важно, однако, то, что это однообразие приносит с собой, – сказал Виктор и посмотрел на нее с интересом. Небольшое расстояние до театра было пройдено, они поднялись по ярко освещенной лестнице, ведущей в вестибюль.

Незнакомка снова улыбнулась.

– Поверьте мне – опытной женщине! Обладание чем-либо – это власть, приносящая удовлетворение; но со временем она тускнеет и теряет привлекательность для обладателя.

– И вместо этого она становится привычкой, – поспешил добавить Виктор и отдал ей букет. – Единственный вопрос – кем и чем мы хотим обладать.

Она взяла букет, не ответив, но внимательно посмотрела ему в лицо, которое она, наконец могла полностью увидеть, поскольку в то же время он снял свою мягкую войлочную шляпу с широкими полями.

«Как он красив, – подумала она с изумлением. – Какое обаяние в темных глазах, как выразительны его губы!»

– Благодарю Вас. Я действительно Вам очень признательна, – сказала она с благосклонностью светской дамы, в то же время развязывая ленты букета. – Прощайте.

Она протянула ему кончики пальцев в перчатках, дружелюбно кивнула и ушла; и вдруг Виктор с отчаянием осознал, что он не знает, кто была эта женщина, что он забыл о непременной обязанности воспитанного человека представиться ей.

Что она могла подумать о нем! Из-за его собственной неловкости была разорвана нить, которая по счастливой случайности была брошена ему судьбой и могла связать его с миром, который вдруг предстал перед ним и вновь пробудил в нем желание творить. В этот момент Виктор забыл, что ему стало неловко и стыдно, когда он понял, что он не равен ни по внешнему виду, ни по манерам тому кругу людей, которым он до этого считал себя равным; он только хотел знать, кто эта женщина.

Альтен оглянулся вокруг в поисках служащего театра, надеясь что-либо узнать от него, но никого не было рядом.

Вздохнув, он вышел на улицу, в зимнюю ночь. Эта женщина, которая только что появилась на его пути, понравилась ему потому, что она была совершенно другой, чем та, которой он посвятил свою первую любовь, любовь, которая быстро ушла, – его жена, Марта. Марта, сначала казавшаяся ему его хранительницей, его судьбой. Но из-за этого его любовь к ней вскоре получила отпечаток тирании, в которой только его «я» должно было доминировать, и когда это встречало сопротивление, он чувствовал себя оскорбленным. Но эта женщина понравилась ему именно своей независимостью и недоступностью. Для нее он был случайный встречный, недостойный особого внимания, незнакомый с правилами ее мира, который был совершенно чужд ему самому. У него было смутное подозрение, что эта женщина должна была оказывать сильное влияние на всех, кто оказывался в ее окружении, и он хотел испытать это влияние на себе.

Он хотел увидеть ее снова – в этот момент это было его самое большое желание. И, наконец, – почему нет? Надо только найти в себе мужество!

Он знал, где ее найти. Как только спектакль закончится, он просто должен зайти в вестибюль и найти ее в потоке людей, и, в зависимости от обстоятельств, либо подойти к ней, либо тайно следовать за нею.

Тем временем он вошел в ближайшее кафе, чтобы убить время. Напротив него сидела молодая женщина, он не видел ее лица, видел только маленькие завитки на шее, того же цвета и уложенные так же, что и у Марты. Виктор внезапно почувствовал неловкость. Разве не было

несправедливо по отношению к ней то, что он собирался совершить? Не было ли это предательством?

Он нетерпеливо наморщил лоб из-за чувства вины, появившегося у него внутри.

«В моем поступке не будет ничего значительного, совершенно ничего, – успокаивал он себя. – Чего я хочу в лучшем случае? Небольшого стимула, чего-то нового для моей угасающей фантазии. Меня ждет конец, если я не получу помощь извне. Такая женщина, как эта, несомненно, способна стимулировать мое воображение! Разве я не страдаю от недостатка понимания и духовной близости с Мартой, и не станет ли это обстоятельство еще более невыносимым в долгосрочной перспективе? Я ничего не отниму у моей жены, если попытаюсь найти понимание в другом месте; она не требует этого. То, что я должен для нее делать, я для нее делаю, и было бы глупо пытаться сделать больше».

Так Виктор Альтен усыпил свою совесть, но когда он увидел, что в кафе вошел Грегор, он закрылся газетой, чтобы тот его не заметил. Его друг был для него в этот вечер нежелательным компаньоном.

Представление закончилось. Прислонившись к колонне, Виктор Альтен пристально смотрел на двери, за которыми до этого скрылась незнакомка. Это заняло некоторое время; наконец, она вышла. С волнением готовясь к тому, что он собирался сделать, с бьющимся сердцем и спутанным сознанием, он взглянул в зеркало напротив и в ужасе отпрянул назад.

Этот человек в большой уродливой шляпе, плохо сидящем костюме и бесформенных сапогах действительно был он? Его руки без перчаток были красными от холода; внезапно они показались ему неуклюжими, несмотря на их элегантную форму, а женщина, которую он ждал здесь, была олицетворением элегантности и знатности.

Чем ближе она подходила к нему, тем меньше оставалось у него смелости заговорить с нею. По какому праву? И зачем? Как он мог быть ей интересен? Внезапно он ощутил огромную пропасть, которая отделяла их друг от друга, – он, бедный, хотя и обещающий писатель, который уже был истощен на полпути, – и она, дитя роскоши и богатства.

Мог ли он подумать то же самое три года назад? Тогда он считал себя непобедимым героем, королем в царстве духовности, властителем умов. Ужасное разочарование постигло его. Альтен попытался скрыться незамеченным, но незнакомка уже стояла перед ним.

– Я знала, что Вы будете здесь, – сказала она с улыбкой. – Пойдемте!

– Вы действительно не возражаете? – запинаясь, выдавил Альтен, и волна крови бросилась в его лицо. – Как вы хороши, ма... – Он запнулся. Как он на самом деле должен ее называть? Для незамужней девушки она была слишком спокойна и уверена в себе, с другой стороны, она все же пришла и ушла одна.

– Мадам, мадам! Конечно, мадам! – ответила она. – Вуаль ввела Вас в заблуждение, иначе ошибка была бы невозможной. Вот, возьмите мои цветы еще раз.

– Конечно, – сказал он сокрушенным голосом; у него даже не возникло мысли о ее муже.

– Почему у Вас такое странное лицо, – спросила она с любопытством, спускаясь по лестнице рядом с ним. – Вам стыдно нести цветы?

– Как Вы могли так подумать! – воскликнул Альтен. – Наоборот, я благодарю Вас за возможность быть Вам полезным!

Она громко рассмеялась.

– Вы очень скромны, господин... – да, я должна, наконец, попросить Вас, раскрыть Ваше инкогнито.

– Альтен – Виктор Альтен!

Она посмотрела на него и задумалась.

– Ваше имя... – задумчиво проговорила она, напрягая свою память, – у меня такое ощущение, словно я уже где-то слышала его!

Альтен молчал, с гордой улыбкой на губах.

– Помогите мне вспомнить, если я не ошибаюсь!

– Я писатель, – начал он нерешительно, потому что для него это было бы гораздо более лестным, если бы она сама вспомнила это. – Возможно, что какая-то книга, вышедшая из-под моего пера, попала к Вам в руки.

– Да, точно, я вспомнила, – она кивнула головой и посмотрела на него со стороны. – Моя племянница владеет некоторыми из них и она полностью очарована Вами.

– А вы, мадам? – спросил он.

– Я? Ну, я уже недостаточно молода для этого. В нашем возрасте мы ценим совершенно другую сторону жизни.

– То есть – Вы взвесили – и нашли их слишком легковесными, – с горечью заключил он.

– Совсем нет! Не надо так воспринимать мои слова, – она сказала это так равнодушно, что казалось либо ей вообще не могла прийти в голову мысль, что она могла обидеть его, либо она не придавала этому никакого значения. – Я имею в виду, что реальная основа не может навредить даже в литературе. Ваши персонажи... ну, скажем так, они Полубоги, а не люди, с которыми я разговариваю и хожу рядом. Но мне больше нравятся реальные люди, я хочу смотреть в зеркало, в котором я могу увидеть себя в подобных обстоятельствах. Не говорите мне о том, что таким образом я всегда вижу только голую основу, но никогда не величие характеров; я не верю ни в какое величие, которое не мотивировано реальной необходимостью в нем.

– Мрачное мировоззрение, – сказал Альтен подавленно. Однажды Марта сказала ему что-то подобное; тогда он не придал этому значения, отнесся к ее словам как речам малого несмышленного ребенка. Когда же такая оценка была произнесена этими губами, она подействовала на него совсем по-другому.

– Вы ошибаетесь, – ответила она, – это только реальный взгляд на вещи. Никогда не нужно требовать от себя и своих близких больше, чем они могут вынести; нужно быть терпимым к человеческим слабостям. Я хотела бы увидеть того, кто живет в мире иллюзий в возрасте после тридцати.

Альтен еще крепче сжал руками букет роз; его голос звучал глухо и неуверенно, когда он, наконец, сказал:

– Научите меня жить без них!

– Вы думаете, это будет лучше для Вас? – спросила она и посмотрела ему прямо в лицо.

– Да!

– Мне кажется, дорогой друг, – сказала она со всей уверенностью, которая ей была присуща и которая возвратила его в реальность, – Вы еще слишком молоды для этого. У Вас, возможно, честные мысли, скромные запросы и идеальные надежды. Если все это рухнет, вы почувствуете пустоту, и пустота будет ужасной.

– Я согласен на это, – порывисто воскликнул Альтен, – и я скажу Вам больше, Все ваши предположения не верны, я уже не тот юный мечтатель, каким был раньше! Земля подо мной зашаталась, я тщетно стараюсь удержаться на ногах, я больше не верю в свои силы – сама судьба послала Вас на моем пути! Позвольте мне поверить в милосердие судьбы, мадам!

– Тише! – сказала она, слегка кивнув головой назад. – Моему слуге необязательно все это слышать.

Альтен с ужасом оглянулся. За ними, на небольшом расстоянии, шел слуга в ливрее, и Виктор на мгновение почувствовал уважение перед силой богатства, которым, несомненно, обладала эта женщина.

Незаметно за разговором они дошли из шумного центра города до более уединенного района вилл и остановились перед небольшим, но элегантным домом.

– Спокойной ночи и до свидания. Если Вы захотите, можете навестить меня, господин Альтен! Я одинокая женщина и люблю все, что не укладывается в рамки традиционного; возможно, я с моим знанием света действительно смогу помочь Вам.

Альтен схватил руку незнакомки и хотел было поднести ее к губам, но остановился на пол-пути, увидев презрительную усмешку на губах слуги.

– Я коммерции советница Мюрнер, – добавила незнакомка, и снова на ее губах появилась полу-загадочная улыбка, которая необыкновенно поразила его.

Дверь захлопнулась за ней, а Альтен все еще стоял снаружи и смотрел на элегантную бронзовую решетку, которая отгораживала небольшой сад от улицы. В саду в середине фонтана тритон руками держал за шею лебедя, из открытого клюва которого летом должна была вырываться струя воды. Теперь головы обоих были покрыты снежными шапками, и темный металл резко, но благородно выделялся на светлом фоне дома с открытой лоджией и элегантными воротами.

Альтен долго зачарованно смотрел на маленький дворец и только спустя некоторое время понял, что в своих руках он все еще держит букет.

Что он должен теперь делать – позвонить в колокольчик и отдать цветы слуге? Однако ему не хотелось расставаться с ними, это было единственное осязаемое доказательство его нового приключения, и все же он не мог оставить их у себя, словно вор. Альтен еще раз вдохнул их аромат, затем протянул руку к колокольчику. В тот же момент свет в вестибюле погас, и теперь вилла стояла перед ним темная и загадочно молчаливая, а прямо над ней повис яркий лунный диск.

Звонок колокольчика сейчас был бы крайне неуместен, и после долгого размышления Виктор с цветами в руках отправился к себе домой.

Но воспаленное воображение не давало ему уснуть, он ворочался и размышлял почти пол-ночи.

Может быть, он, наконец-то, нашел свой идеал, который поначалу обманчиво предстал перед ним в образе Марты? Его жена спокойно спала рядом с ним, хрупкое существо с розовыми щеками ребенка и золотистыми завитками волос на шее, но ее вид, как бы он ни был очарователен, больше не волновал его. Он не нашел в ней того, что искал! И в этом, конечно, нет его вины. Марта была всего лишь поверхностным, легкомысленным существом, она не понимала его душу, и неудивительно, что она не могла вдохновлять его.

А много ли он хотел? Он жаждал только духовного понимания и еще некоторого ореола таинственности, которая должна окружать женщину света – черты, которыми Марта, увы, не обладала. Однако, Виктор лукавил, он не хотел признаться себе в том, что у нее просто не было возможности приобрести все это.

Более того, все то, что он так резко осуждал в Марте, – ее тяга к тому миру, в котором господствуют роскошь и благополучие, – теперь предстало перед ним самим, и он поддался его очарованию, не осознавая этого.

VI

На следующий день в приемные часы Виктор Альтен понес букет на виллу. Увядавшие, с почерневшими краями, розы опустили свои головки, а их засохшие листья падали в снег.

Фрау Мюрнер как раз собиралась выезжать, ее машина остановилась перед дверью, и она в шляпе, в темном костюме для улицы и мехах встретила его в вестибюле.

– Я принес Ваш букет, мадам, – сказал Альтен, несколько смущенный присутствием слуги и отрезвленный неожиданной ситуацией, – он вчера остался у меня в руках.

Фрау Мюрнер на мгновение остановилась.

– Что за идея! – воскликнула она почти с досадой. – Но я не могу держать Вас здесь на пороге! Зайдите на минутку!

– Я не хотел Вас беспокоить, мадам!

Она взяла цветы из его рук и небрежно бросила их в сторону.

– Вы всегда такой сознательный?

– На этот раз это совпало с моим желанием.

– Ну, по крайней мере, Вы честны, – засмеялась она, натягивая перчатки. – Мне это нравится. Но сейчас у меня действительно не так много времени. Или Вы хотите подождать моего возвращения?

– О, нет, – поспешно ответил Альтен, вставая. – Простите меня за мое вторжение, этого мне будет достаточно.

Она также встала.

– Вы правы, – сказала она, оглядываясь вокруг, – женщины похожи на их будуар, они прекрасны только вечером, днем все иллюзии исчезают. Лучше приходите ко мне на чай в пятницу в семь часов. Мне будет интересно пообщаться с Вами, и моя племянница Грета будет в восторге. Могу я на это рассчитывать?

Альтен кивнул в знак согласия. В этой женщине было что-то, что ранило его тщеславие, но при этом имело демоническую привлекательность. Вчера вечером Виктор не мог рассмотреть ее лицо из-за вуали и тусклого освещения. Сегодня он также не имел возможности сделать это, поскольку в комнате, в которую его пригласила фрау Мюрнер, окна были занавешены плотными шторами, которые едва пропускали дневной свет. Но странным образом ему даже не приходила в голову мысль о том, красива ли эта женщина или нет; ее манеры, ее голос, аромат, который окружал ее, – этого было достаточно, чтобы опьянить и увлечь его, человека с богатой творческой фантазией.

«В пятницу!» – подумал он и его охватило чувство необыкновенного счастья, несмотря на то что стоящий рядом слуга высокомерным взглядом окинул его более чем скромный внешний вид.

В ту же пятницу вечером Грегор столкнулся с Виктором, который возвращался домой с виллы Мюрнер, и, похоже, не заметил его; но Грегор невзирая на это, подошел к нему и остановил; вид его молодого друга поразил его.

Несмотря на холодный ночной воздух, Виктор нес шляпу в руке, в петлице его пиджака красовался бутон розы; его красивое одухотворенное лицо казалось необычно бледным, но его глаза сияли так, словно они только что видели небесный рай и все еще не могли опомниться от всего его великолепия.

– Откуда ты идешь? – удивленно спросил Виктор, очевидно, не особо обрадовавшийся этой встрече. Он увидел Грегора только тогда, когда прямо перед ним стояла его долговязая нескладная фигура.

– От твоей жены, – последовал лаконичный ответ.

– Но я же написал тебе, что меня сегодня не будет дома.

– Как видишь, письмо до меня не дошло. Но это не имеет значения. Или ты стал ревновать меня?

Виктор рассмеялся, надевая шляпу на голову.

– Ты не можешь всерьез думать о чем-то подобном!

– Но ты пренебрегаешь своей женой.

– Дорогой друг, умоляю тебя! Не говори о вещах, которых ты не понимаешь. Ты не знаешь, что значит быть женатым! Постоянно стесненные обстоятельства! Всегда чувствуешь оковы на своих ногах! Брак уничтожает художника. Сегодня я действительно почувствовал, что может означать «жить»! Я хочу поделиться с тобой, – продолжал Виктор, уже спокойнее, – что сегодня я не был с друзьями, но был приглашен женщиной – коммерции советницей Мюрнер. Грегор, это удивительная женщина! Если жизнь сбрасывает человека с небес на землю и засасывает его все глубже и глубже в трясину, эта женщина знает, как его вытащить оттуда и снова поднять до небес!

– Я уже когда-то слышал это от тебя! – с издевкой усмехнулся Грегор.

– Меня не задевают твои насмешки. Увлеченность – это то, без чего невозможно полное наслаждение жизнью! Впрочем, я не требую от тебя слепо верить мне на слово, ты должен сам увидеть ее и составить собственное мнение. Поскольку я рассказал ей о тебе, фрау Мюрнер выразила желание познакомиться с тобой поближе. В следующий раз мы пойдем к ней вместе.

– Чтобы выставить меня дураком! Я никогда не был человеком, способным лицемерить и расточать комплименты! К тому же, женщины, которые заигрывают с женатыми мужчинами, – не в моем вкусе. Я, как ты, дорогой друг, знаешь, старомоден в этих вопросах!

– Но, Боже мой, она и понятия не имеет о том, что я женат!

– Тем хуже для тебя – это выставляет тебя не в лучшем свете, и мне это совсем не нравится. Недостаточно рассуждать о своих обязанностях, нужно также их выполнять.

– Мне кажется, ты попал под влияние Марты. Разумеется, она, должно быть, нажаловалась на меня. Она совершенно не понимает меня в своей ограниченности, и я уверяю тебя, что она никогда не впишется в окружение фрау Мюрнер; для нее достаточно общества Даллманнов. Но ты – это совсем другое дело, ты сделаешь мне одолжение, старый друг, – сказал Виктор, останавливаясь на месте. – Вы прекрасно подойдете друг другу. Кроме того, фрау Мюрнер – женщина уже не первой молодости и, как мне кажется, имеет некоторый жизненный опыт.

– В таком случае, разве она не захочет увидеть твою жену? Это было бы естественно, если бы ты пришел к ней с Мартой.

Виктор вдруг ускорил шаг.

– Я..., – неуверенно начал он, – я даже не упоминал о Марте. Какое отношение моя жена имеет к Роуз Мари?

– Роуз Мари? – изумленно повторил Грегор.

– Да, именно так ее зовут. Красивое имя, не правда ли? Имя, которое подходит не всем, но для нее...

– Если я правильно понял тебя, то ты отрекся от своей жены.

– Отрекся?! – взвился Виктор. – Я просто не говорил о ней, с чего бы это? Что я должен был о ней сказать? Со временем это может как-то решиться. Так ты пойдешь со мной в следующий раз?

– Хм! Я должен это очень серьезно обдумать. Кстати, Мартин Роер снова был здесь. Наш упрямый гений, однако, не выдержал долго вдалеке от Мадрида. Он навестит тебя в следующий раз.

– Разумеется, он непременно должен это сделать, – безразлично ответил Виктор. Кроме виллы Мюрнер все остальное его мало интересовало в этот вечер.

Примерно в то же время Роуз Мари также говорила о своей последней находке в полу-насмешливом, полу-равнодушном тоне, которым она привыкла всегда говорить о молодых мужчинах.

– Ну, Грета, как тебе твой идеал? Я полагаю, тебе стоит поблагодарить меня за то, что я предоставила тебе возможность увидеть его своими глазами.

Молодая девушка, бесшумно убиравшая чайный сервиз со стола пока хозяйка дома отдыхала в шезлонге, повернулась к ней и сказала:

– Я представляла его по-другому, Роуз! – Более зрелым!

– Да, действительно, он еще очень молод, но это тот недостаток, который жизнь скоро исправит. Если бы он только не носил эти ужасные локоны Самсона! Тебе не кажется, что если забыть о них, он поразительно красив? Я бы и не подумала пригласить его, если бы всю свою жизнь не любила красивых людей.

– Ах, Роуз, вчера ты сказала, что пригласила его из-за меня! – воскликнула Грета, смеясь, и приблизилась к лежащей в шезлонге коммерции советнице. – Что ты сочувствуешь моей слабости к его книгам! Но я должна признаться, что его книги нравятся мне больше, чем он сам.

Роуз Мари немного приподнялась на локте.

– Я думаю, дитя мое, – сказала она с улыбкой, – ты предъявляешь слишком высокие требования к людям. Как было бы ужасно, если бы мы все вместе расхаживали задрапированные в тогу. Разве тебя не задает тот факт, что я, пожилая женщина, так сильно тебя обогнала в твоих представлениях о жизни?

– Я привыкла к этому! – Грета погладила тонкую белую руку Роуз Мари, – и поверь мне, Роуз, я действительно думаю, что это естественно. Ты не такая, как все! Ты окружена своей собственной атмосферой, которая, как мне кажется, опьяняет, но длится только пока – прости, Роуз, – пока не наступит разочарование, ибо твое сердце остается холодным. Люди интересуют тебя исключительно до тех пор, пока они тебе незнакомы; ты любишь играть с ними, моделировать их по своему вкусу, подчинять их своей воле до такой степени, что в конце концов они перестают быть самими собой, – тогда они надоедают тебе, становятся неинтересными и ты попросту их выбрасываешь.

– Ты до такой степени критична ко мне, Грета? – спросила Роуз Мари, закрывая глаза. – Возможно, ты права, но признай – я кому-нибудь причиняю вред?

– Да, Роуз, да! И потому что я знаю это, я хочу просить тебя не вводить Альтена в свой дом. Пусть он развивается без какого-либо влияния с твоей стороны. Ты и он, вы так же разные, как день и ночь, поэтому вас будет невольно притягивать друг к другу и в конце концов слабейший уступит. И это, конечно же, будет он, ибо твой жизненный опыт намного богаче. Но в нем живет божественная искра, и было бы жаль, если бы эта искра была потушена.

– Ты рассуждаешь как наивный ребенок! – сказала Роуз Мари, смеясь, и снова откинулась назад. – Как будто я вампир, который высасывает души людей! Каждый должен оставаться верным самому себе. Впрочем, Грета, что если бы мне, наконец-то, захотелось любви Ромео? Было бы это так предосудительно? О нас, женщинах, говорят, что мы молоды до тех пор, пока нас любят; мне бы хотелось испытать это на себе, потому что иногда я чувствую себя старой – необыкновенно старой. И поверь мне, Грета, мне бы хотелось быть действительно любимой – за всю мою долгую жизнь меня никогда еще по-настоящему не любили. Все всегда проявляли слишком большое уважение к моей личности. Мне только поклонялись, меня боготворили, но не более того. ... Хотя однажды... возможно, однажды меня действительно любили! Но этот человек, завоевав меня, вскоре успокоился, и я полагаю, что очень основательно. Проза ежедневного уюта засасывает людей! Одухотворенность, восхищение красотой и грацией, возвышенные чувства не могут жить в человеке долго. Теперь я старею, Грета! Ты понимаешь, что значит для женщины моего темперамента – состариться! – Роуз Мари глубоко вздохнула. – Любовь Ромео – это то, что я все еще хотела бы испытать!

– Дядя Мюрнер очень сильно любил тебя, Роуз, ты просто не хотела этого видеть, – начала Грета. – Твои намерения заключались в том, чтобы держать его подальше от себя, насколько это возможно. Ты была несправедлива к нему.

Роуз Мари нахмурилась.

– Возможно, ты права! – сказала она, защищаясь. – Кстати, моя дорогая невестка Анна была бы очень рада, если бы узнала о таком моем желании! Подумай только, Грета! Даже одна мысль об этом щекочет мне нервы; с течением времени жизнь становится слишком скучной.

Грета молча вздохнула. Она отошла к чайному столу и продолжила убирать посуду. Кто знал больше, чем она, о странных противоречиях в характере Роуз Мари. Все тривиальное было ей чуждо, она принадлежала к тем натурам, которые не могут оставить ничего, как есть, которые всегда ищут новые развлечения и новые идеи. Грета любила свою тетю – хотя коммерции советнице очень не нравилось, когда девушка ее так называла, – и, к всеобщему удивлению, они прекрасно ладили друг с другом, но она очень редко пыталась ей противоречить или, тем более, критиковать ее, как она это сделала сегодня вечером. И девушка уже пожалела об этом, потому что только после этого случайно попавшая в руки игрушка, похоже, приобрела для Роуз Мари другое значение.

– Так что готовься к ужасным событиям, – воскликнула Роуз Мари, соскочила с шезлонга и, подойдя к Грете, взяла племянницу за руку. – И прекрати эту ужасную уборку! Для чего, в конце концов, у нас существуют слуги, маленький педант? Спокойной ночи, дитя мое, мечтай о своем поэте с длинными локонами!

Роуз Мари поцеловала ее в лоб и вышла из комнаты; но она еще долго ворочалась в своей постели, думая: «Любовь Ромео! – Чтобы забыть о течении лет! – Что может принести с собой любовь Ромео?»

В своей освещенной комнате Грета стояла у окна и смотрела в ночь. Она не была так спокойна, какой казалась раньше в чайной комнате.

С тех пор как она прочитала книги Виктора Альтена, между ней и неизвестным автором существовала связь. До этого чтение редко так сильно трогало ее, так очаровывало. Как будто из глубокого колодца, она черпала из его книг мысли, вдохновение и силу. Все было настолько чисто, возвышенно и великолепно, что ее создатель представлялся ей в том же свете. Когда она сидела одна и читала, или даже спокойно мечтала о его книгах, ей казалось, что через это общение с ним она становится лучше по отношению к самой себе и к своим окружающим.

Теперь она увидела его своими глазами!

Ей трудно было преодолеть свое разочарование. Виктор Альтен, которого она боготворила, вдруг превратился в обыкновенного земного человека, который был впечатлен роскошью и великолепием, увиденными здесь, который преклонялся перед Роуз Мари и говорил очень банальные вещи. Ничто не могло бы разрушить ее иллюзии – ни уродство, ни физические недостатки, ни тщеславие – но они разрушились от того, что он был таким, именно таким обыкновенным!

Наконец, Грета отвернулась от окна – нет смысла думать о чем-то непоправимом. Она решила отделить автора от его произведений.

– Он всегда будет моим идеалом, – тихо промолвила она, поглаживая тонкой рукой лежащие на ее столе книги. – Он навсегда останется для меня тем, кем был до этого!

Лицо девушки, на котором только большие, темные глаза были на самом деле красивы, выражало особенное спокойствие, ее тонкая фигура склонилась над столом. В это время она услышала тихий насмешливый голос Роуз Мари: «Любовь Ромео – замечательная идея!». И тотчас, словно призрачная тень, перед ней предстало прекрасное лицо молодого поэта, которого она не имела права предупредить об опасности.

VII

Грегор стоял перед зеркалом и изучал отражение, которое смотрело на него оттуда. Он уже несколько раз сегодня повторял это, так же часто, как вспоминал Марту и Виктора. Он был уродлив, стар и непривлекателен, это то, что зеркало, его редкий, но честный друг, говорило ему всегда, когда он его об этом спрашивал. Но со вчерашнего дня у него в голове появилась любопытная мысль, что он недостаточно часто смотрел на себя со стороны.

Он спрашивал себя: «Было ли это хорошо и абсолютно необходимо, чтобы все было так, как было раньше? Разве ты не должен был хоть раз в жизни попытаться достичь счастья для себя? – Почему ты не протянул руку, когда Марта стояла там беззащитной и беспомощной, но оставил ее юнцу, который на самом деле не мог обеспечить ее будущее? Может быть, Марта протянула бы свою маленькую руку тебе... может быть...» Он не решился продолжить дальше, отвернулся от зеркала, быстро прошелся по своей холодной, пустой комнате и рассмеялся, наконец, громко, презрительно, как только может сделать тот, кто смеется над самим собой.

Спустя несколько минут раздался стук, и в комнату вошел Виктор. Мертвенно бледный, со спутанными волосами и глубокими, темными тенями вокруг глаз.

– Тебя мучают угрызения совести? – спросил Грегор вежливо, глядя в лицо своему юному другу в поисках ответа. – Ты выглядишь так, словно ты не в состоянии больше это выносить и хочешь, наконец, облегчить свою душу!

Альтен молча покачал головой, подошел к окну и устремил взгляд наружу.

Через некоторое время он сказал равнодушно:

– Ты говоришь о вчерашнем вечере. Да, увлечения приходят и уходят, для сердца не существует никаких предписаний. Верность – это закон, и тот, кто сделал это законом, не удивится, если его иногда нарушают. Но не это меня мучает!

У Грегора на языке уже был готов едкий ответ, но когда он увидел, что его друг стоит перед ним подавленный и бледный как полотно, старая привязанность восторжествовала, и он участливо положил руку на плечо Виктора.

– Мальчик мой, – сказал он своим обычным тоном, хотя это стоило ему немалых усилий, – у меня за плечами долгая жизнь, за это время я видел и слышал так много, что в конце концов я больше ничему не удивляюсь. Я также знаю, что не очень хорошо разбираюсь в распутывании узлов и способах выхода из сложных ситуаций, поэтому я не могу тебе помочь в таких делах. Но, может быть, тебе станет легче, если ты поведаешь мне то, что мучит тебя.

Виктор повернулся и посмотрел на Грегора; его лицо выражало невыносимую боль.

– Мой последний роман был отвергнут, – сказал он, наконец, с трудом контролируя себя.

– О, неужели? Это неожиданно! – сказал Грегор, задумчиво потирая свой небритый подбородок. – Но, черт возьми, почему?

Мгновенно он забыл все, что стояло между ними. Честно говоря, он незаметно грелся в лучах славы Виктора, тайно возлагал на него большие надежды и видел в нем воплощение того высокого идеала, к которому он сам стремился на протяжении всей своей долгой жизни.

– Продолжай! – порывисто вскрикнул он и потряс Виктора за плечо.

– Я подозревал это – я предвидел это – как неизбежный поворот судьбы, – начал Виктор и устало облокотился на шаткое старое кресло, стоявшее около окна. – Мои силы истощены, а с ними вместе моя уверенность в себе, мое мужество, моя способность творить, которую до этого я чувствовал внутри себя. То, что ты видишь сейчас, это только мертвая оболочка, которую стоит разорвать, потому что она больше не нужна.

– Хотел бы я это увидеть! – иронически усмехнулся Грегор. – Только посмотрите на этого слабака, чье тщеславие не терпит, чтобы его постоянно не возносили до небес! Крылья Икара так быстро расплавились, мой мальчик?

– Ты ошибаешься, Грегор, – спокойно ответил Альтен. – Не тщеславие заставляет меня так говорить, а сознание того, что я действительно больше не способен творить! Ты не знаешь этого, это агония творчества, когда мысль не может и не хочет вырваться наружу, когда ты бессилен и опустошен и болезненно осознаешь, что ты сам всего лишь несчастное существо, а не творец. Ты не знаешь, как я боролся со своим угасшим воображением, со своими обыденными чувствами. Моя забота о хлебе насущном постоянно давит на меня и съедает все мои душевные силы. – А потом вы – ты и Марта – жалуетесь, что я стал капризным и раздраженным и требуете моего внимания ко всем мелочам повседневной жизни! – Ты измеряешь меня теми мерками, которые для меня не подходят! И все же тебе это даже не приходит в голову. Как ты можешь тогда понять, что меня мучит?!

– Ты прав, – тихо сказал Грегор, – но разве ты сам не слишком нетерпелив? Такие настроения естественны, но они в конце концов проходят. Никто не может быть постоянно успешен.

Виктор резко повернулся к нему и положил обе руки ему на плечи, его темные глаза были влажными.

– Но разве ты не понимаешь, дорогой друг, что куда бы я ни кинул взгляд, передо мной зияет бездна, понимаешь – везде! Во мне самом остались только пустота и скука, моя душа мертва; передо мной стоят нужда, лишения, нищета и неизбежное разочарование. Если бы меня критиковали, а не хвалили раньше, это только подстегнуло бы меня в моем стремлении преуспеть, и мой ответ на это был бы: «Вы недооцениваете меня! – Я способен на большее, гораздо большее – и я достигну этого!» – Но теперь... Как мне смотреть в лицо тем, кто перевозносил меня, критикам, которые писали хвалебные отзывы? Я чувствую себя нерадивым хозяином, который легкомысленно растратил свой капитал. – Помнишь, как неохотно я говорил с тобой об этом романе? Насколько мне самому было противно читать хотя бы одну строчку из него? – Теперь ты видишь, что мои чувства не обманули меня.

– Ты закончил? Ну а теперь послушай, что я тебе скажу, Виктор, – ответил Грегор, стараясь говорить как можно мягче. – Ты преувеличиваешь, преувеличиваешь, неимоверно преувеличиваешь! Отдохни сначала, тебе это необходимо, а потом спой мне ту же песню еще раз, если ты не забудешь ее к тому времени.

– Отдохнуть? – горько повторил Виктор. – И на что мы будем жить, есть и пить?

– У меня возникла прекрасная мысль, мой мальчик, – сказал Грегор, смеясь и потирая руки. – И если в моем предложении ты увидишь долю эгоизма, помни, что здоровый эгоизм – это основное условие нашего существования. Прими меня в свой дом, я буду третьим в компании! Ты даже не представляешь, насколько уродливой кажется для меня эта голая комната с тех пор, как я испытал всю прелесть домашнего уюта в твоём доме! Я думаю, Марта ничего не будет иметь против этого, и как награду за доброе дело, это даст тебе передышку, чтобы твой переутомленный мозг отдохнул какое-то время. Моя пенсия не велика, как ты знаешь, но пока этого будет достаточно.

Виктор стоял неподвижно, закусив нижнюю губу и опутив глаза в пол. Он чувствовал себя смертельно униженным. Слабак, который должен жить на милостыню других!

Подавленным голосом он сказал:

– Однажды ты упрекал меня за честолюбивые помыслы, а теперь – теперь ты видишь, до чего я дошел! Но я принимаю твою жертву, Грегор, принимаю ради Марты.

– Я вижу, как тебе тяжело, – прервал его Грегор. – Однако, помни, что в трудную минуту можно рассчитывать только на друзей! Но, – продолжал он, поспешно отвернувшись, так как встретил взгляд Виктора, – прежде всего, пощади себя немного, ты выглядишь несчастным, и я буду только рад если фрау Роуз Мари может протянуть тебе руку помощи, если это поможет. Так когда я могу переехать к тебе? Третья комната в вашем доме, насколько я знаю, совершенно не используется.

– Сегодня вечером я передам тебе ответ Марты.

– Прекрасно! А сейчас, если ты не против, пойдем завтракать. Мне кажется, что после твоей речи у меня разыгрался аппетит. Пойдем со мной!

От глаз Грегора не укрылось, что Марта отнеслась без восторга к его переезду, но старалась не показывать этого, поскольку она отлично понимала безвыходность их положения. У нее также не было никаких оснований быть недовольной своим постояльцем. Наверное, не было другого более нетребовательного человека. Он редко бывал дома, уходил и приходил почти неслышно, и старался стоять в стороне от всего, что происходило вокруг него. Последнее Марта ценила в нем больше всего. В это трудное время она как никогда ранее чувствовала необходимость уйти из дома и забыть о своих заботах в обществе семьи Даллманн. С Виктором и Грегором она не могла говорить о том, что было у нее на душе, особенно со своим мужем, который всегда говорил с нею с раздражением, словно считал ее веселое лицо государственным преступлением.

Ах! Как она завидовала Лене Даллманн!

Марта глубоко вздохнула.

В этой гнетущей атмосфере приглашение от коммерции советницы Мюрнер показалось Виктору лучом солнца, и на какое-то время вернуло ему надежду на лучшее.

Роуз Мари! В своем отчаянном настроении Альтен уже был уверен, что там о нем забыли, и теперь даже у Грегора, который беспокоится о душевном состоянии своего друга, не хватило смелости удержать его, тем более что он сам тоже был упомянут в приглашении.

Они отправились туда вдвоем. На Грегоре по-прежнему был его запятнанный, старый, потертый сюртук, он даже не попытался обратить больше внимания, чем обычно на свой внешний вид. Виктор, идя рядом с ним, словно впервые заметил гротескное уродство своего друга, его кривую, сутулую фигуру, чрезмерно длинные руки и заостренную лысую голову с увядшими чертами лица. Также он со стыдом увидел, что сюртук был помят и сейчас Грегор пытался разгладить его прямо здесь на улице.

– Не волнуйся, мой мальчик, – с усмешкой сказал Грегор, заметив неловкость на лице Альтена. – Тому кто не знает, как отделить зерна от плевела, я не могу понравиться, но кто умеет увидеть больше, чем внешняя оболочка, тот не будет смущен следами пыли на ней. Теперь дело за твоей коммерции советницей показать, чего она стоит.

Грегор непринужденно вошел в виллу, роскошь которой совсем не произвела на него впечатления, и, наконец, вежливо поклонился Роуз Мари, которая не могла полностью скрыть на своем холодном лице выражения того отвращения, которое она почувствовала при виде друга Альтена, которого тот так расхваливал до этого. Но Грегора это ничуть не беспокоило, наоборот, насмешливая улыбка еще больше исказила его лицо. Виктор чувствовал себя как на раскаленных углях. Ему было стыдно – ему было стыдно за своего лучшего друга впервые в жизни! – И почему? Потому что он не понравился салонной даме?

«Я мог предвидеть это раньше и спасти себя от этого позора, – подумал Альтен, рассерженный на себя. – Она, должно быть, думает, что мы бродяги».

И в то же время он был зол на Грегора. Ему казалось, что его друг сделал это сознательно, чтобы полностью испортить мнение элегантной дамы об их обоих.

«Я бы не удивился этому», – подумал Виктор, тайно наблюдая за Грегором. Внутри него все больше росли беспокойство и неуверенность. Нервничая, он раскрыл чайный пирог, и Роуз Мари, повернувшись в его сторону, заметила это.

– Что с Вами? Вы сегодня такой странный! – сказала она.

– Простите его, мадам, – ответил Виктор тихим голосом, глядя на Грегора, – мой друг просто привык к нашей компании и... – он смущенно замолчал.

Роуз Мари рассмеялась.

– Так вот что Вас мучило! Не волнуйтесь об этом. Здесь все свои.

– Будьте справедливы, мадам, – вступил в разговор Грегор, – защитите старика от его юного друга. Он этого не заслуживает... – Роуз Мари снова засмеялась.

– Нужно всем воздать должное, – ответила Роуз Мари, повернувшись к Грегору. Она выглядела очень молодой и необыкновенно красивой в розовом свете абажура. – Справедливость – моя сильнейшая черта, я всегда стараюсь быть справедливой, если, конечно, это не причиняет мне неудобств. – Затем она снова обратилась к Виктору. – Однако, мне кажется, что у Вас какие-то личные неприятности. Или я ошибаюсь?

– Вы правы, – сказал Альтен после короткого колебания и неуверенно посмотрел на нее. – И это тоже!

– Можете ли Вы поведать мне, что Вас так расстроило?

Ее бледное лицо с усталыми складками вокруг глаз и губ выражало доброжелательность и сочувствие, она словно ожидала услышать историю несчастной любви. Ее тонкие руки, покрытые сверкающими украшениями, покоились на коленях.

О, разумеется, эта женщина – эта женщина могла бы понять его! – И движимый импульсом, который был сильнее его, Альтен рассказал ей обо всем, что угнетало его, при этом ни словом не упомянув Марту и то, что он был женат.

Когда он кончил, Роуз Мари улыбнулась.

– Дорогой друг, я рада, что Вы так открыто доверились мне. Теперь я могу высказать и свое мнение. Цель, к которой Вы стремитесь, благородна и прекрасна, но она не подходит для меня и мне подобных. Нам нужна реальная жизнь, естественная природа – развлечения! – Прежде всего, развлечения! Но Ваши книги, увы, не очень развлекательны, дорогой Альтен. Попробуйте писать по-другому, и Вы увидите, что кроме эфемерной славы Вы получите еще и золотой урожай.

Виктор побледнел, его руки, вертевшие золотую чайную ложечку, слегка дрожали. Основание его идеализма пошатнулось под влиянием окружающих его здесь роскоши и комфорта, которые подчеркивал мягкий свет пьянящего красноватого оттенка. Тем не менее, он возразил очень энергично, хотя в его голосе улавливалась некоторая принужденность:

– Никогда, никогда я не смогу пойти против моего внутреннего убеждения!

Роуз Мари снова засмеялась.

– Это не заставит себя долго ждать, прежде чем Вы признаете мою правоту!

– Он никогда этого не сделает! – раздраженно воскликнул Грегор и недружелюбно посмотрел на прекрасную хозяйку. – Он должен служить своему идеалу. Деньги и внешнее благополучие – это то, без чего настоящий художник может обойтись.

– Но они доставляют удовольствие, – возразила Роуз Мари, повернувшись лицом к своему противнику. – Мы, обладающие ими, ведем себя так, как будто презираем их по привычке; а те, у кого их нет, стремятся, в конце концов, их получить. Деньги есть и останутся величайшим правителем на нашей земле.

– Разумеется, – сказал Грегор, – это язык Вашего мира, но мы с Альтеном принадлежим к тому миру, где говорят на другом языке.

– Придет время и Ваш юный друг поблагодарит меня за то, что я научу его мыслить так же, как и мы. Кстати, я никогда не обещаю больше, чем я могу сделать. В моем салоне господин Альтен встретится с самыми разными людьми, которые послужат ему моделью для его творческих изысканий. Ибо если хочешь описать жизнь, надо наблюдать эту жизнь, а не придумывать ее, – самоуверенно ответила Роуз Мари с некоторым раздражением в голосе и затем вновь повернулась к Виктору.

– Ах, как Вы добры! – язвительно отпарировал Грегор, который с удовольствием взял бы своего юного друга под руку и увел отсюда.

– Это случается так редко, что кто-то делает добро для ближнего, поэтому надо благодарить Бога, когда вдруг представится такая возможность, – улыбнулась Роуз Мари. Затем она

поднялась и, подав знак Виктору, перешла с ним в эркер, где села со своим протеже на маленький диван.

Грегор посмотрел им вслед. Он настолько забыл о соблюдении простой вежливости, что ответил Грете почти грубым тоном, когда она предложила ему вторую чашку чая.

Вместо того, чтобы обидеться, девушка сказала:

– Я понимаю Вашу заботу о Вашем юном друге и... я разделяю это.

– Вы? – спросил он удивленно, и впервые взглянул на прекрасное, серьезное лицо девушки. – Что могло побудить Вас к этому?

– Как и Вы, я буду скорбеть о погасшей искре Божьей в человеческой душе.

Грегор взглянул на нее сбоку.

– Что Вы знаете об искре Божьей? – спросил он, помолчав немного.

Грета покраснела.

– Вы говорите так, потому что я живу в том же окружении, что и моя тетя? Я люблю Роуз Мари, но я не всегда разделяю ее взгляды.

– Кто Вы здесь? – все еще не очень дружелюбно спросил Грегор.

– Если назвать это коротко – компаньонка, а кроме того еще племянница!

– Бедная?

– Да, бедная!

Грегор покачал своей маленькой, заостренной головой.

– Она погубит его, уничтожит все доброе в его душе, – вздохнул он, наконец. – Я знаю, как опасны такие женщины для неопытного ума.

– Это будет очень жаль, – вздохнула Грета. – Вы не поверите, как дороги для меня книги господина Альтена.

Грегор изучающе посмотрел на нее, словно он хотел заглянуть к ней в душу. Он протянул ей руку. Грета молча вложила свою маленькую руку в его ладонь.

Роуз Мари вместе с Виктором вернулась в салон. В руке она держала белую гардению, которую она медленно поворачивала за стебель; она остановилась перед Грегором.

– Вы недооцениваете своего друга, – сказала она провокационно, – у него достаточно здравого смысла, чтобы быть практичным человеком.

– Я не сомневаюсь, мадам, что под Вашим руководством он получит достойное образование. – Грегор поднялся со стула и встал перед Роуз Мари; две пары враждебных глаз рассматривали друг друга. – Кстати, я снова убедился, что все женщины похожи друг на друга в своих желаниях, ибо никто не поблагодарит Вас больше, чем жена Виктора.

Напряженное молчание внезапно воцарилось в комнате. Глаза Виктора сверкали от злости, Грегор смотрел на всех с язвительной усмешкой на губах, лицо Роуз Мари выражало необыкновенное удивление, и только за чайным столом ложка выпала из рук Греты и со звоном ударилась о блюдо. Придя в себя, коммерции советница внезапно протянула обе руки своему молодому гостю.

– Бедный друг, теперь я полностью Вас понимаю, – сказала она сочувственно, – нет ничего более невыносимого для творческой души, чем отсутствие духовного понимания!

Она быстро заключила из его молчания, что у него не было причин гордиться своей женой. Брак по страсти в юном возрасте, при ограниченных средствах – это случалось не так уж редко! И вместо того, чтобы рассердиться, как надеялся Грегор, она нежно посмотрела на красивое лицо Альтена. Вместо ответа Виктор поднес ее руку к своим губам. Он не мог говорить.

– Нам пора идти, – сказал Грегор, слегка потеряв свой подбородок. – Идем, Виктор, уже пробило девять!

– Вы, Альтен, оставайтесь, – почти приказала Роуз Мари, властно протягивая руку в его направлении. – Я хочу еще поговорить с Вами! – Разумеется, он остался, и у Грегора, когда он ушел один, возникло ощущение, что он совершил какую-то глупость.

– Сядьте рядом со мной, – сказала Роуз Мари и притянула маленький табурет ближе к шезлонгу, на котором она расположилась сама. – Мне грустно за Вас, друг мой, за оковы, которые Вы надели на себя. Расскажите мне о своей жене.

Ее большие серые глаза выражали сочувствие.

– Она молода, как Вы, не так ли? – спросила Роуз Мари, чтобы прервать его затянувшееся молчание.

Альтен утвердительно кивнул и неожиданно для самого себя рассказал ей свою короткую историю любви.

– Я жил в своем мире и был доволен своей жизнью, пока я не встретил ее. До этого ни один женский взгляд не потревожил мой сон, ни одна женщина не заставила мое сердце биться сильнее.

– Счастливчик! – сказала Роуз Мари с легким вздохом. – А что случилось потом?

– Потом пришло разочарование, – признался Альтен со вздохом. – Не внезапно, но очень постепенно сладкое опьянение исчезло, я увидел ее без розовых очков и испугался.

– Да, – спокойно сказала она, – это неизбежная потеря, которая так часто случается в человеческой жизни, потеря божественного очарования, которое влечет за собой и возбуждает наши чувства, но бесследно исчезает, как только оно становится частью нашей повседневности, становится похожим на воздушный шар, из которого выпустили воздух. Кто никогда не испытал этого на себе?

– И Вы тоже? – изумленно спросил Альтен и внимательно посмотрел на склонившееся к нему еще красивое, спокойное лицо. – Даже Вы?..

– Ничто человеческое мне не чуждо, – ответила Роуз Мари.

На миг Альтену показалось, что перед ним предстала египетская статуя правды Саис, скрытая под вуалью, и у него появилось страстное желание приподнять край этой вуали. Слова Роуз Мари вернули его в действительность.

– Давайте не будем говорить обо мне, – сказала она, откинувшись назад. – Лучше расскажите мне еще о себе.

И он стал рассказывать. Против его воли, образ Марты тускнел все больше и больше по мере того как он красочно описывал свои юношеские мечты, свои высокие помыслы, свое страстное желание творить и препятствия, которые стояли на его пути. Ему даже не пришла в голову мысль о том, насколько он был несправедлив к своей жене.

– Мой бедный юный друг, – наконец, сказала Роуз Мари, вздохнув, когда Альтен, наконец, закончил свой рассказ и сидел теперь перед ней с низко опущенной головой. – Теперь я в курсе всех Ваших проблем! Но почему вы, мужчины, всегда так торопитесь жениться? – добавила она с ноткой неодобрения в голосе.

– Теперь Вы знаете мою историю, – прошептал Альтен. – Моя душа в Ваших руках!

– Души нет, – пошутила она. – Это современный взгляд на вещи. Не очень приятно это осознавать, но в конце концов, такое мнение не хуже любого другого.

Альтен посмотрел на нее с нескрываемым ужасом. Ее алые губы улыбались, волнистые светлые волосы в красном свете покачивающейся над ее головой лампы тоже казались красными. Роуз Мари вдруг снова стала серьезной.

– Слушайте меня и запоминайте то, что я Вам скажу. Я желаю Вам добра, Поверьте, я не хочу навредить Вам, как, по-видимому, считает Ваш друг.

Альтен приник губами к ее руке. Это был долгий, страстный поцелуй. По тому, как пылко он схватил ее руку, и по дрожанию его губ Роуз Мари почувствовала, как сильно он был возбужден. Она с любопытством взглянула на него. Возможно ли было для человека испытывать такие сильные чувства? Чувствовала ли она сама когда-нибудь то же самое? Если да, то это было очень давно.

– Я верю Вам, – сказала она таким тоном, каким успокаивают маленьких детей; при этом едва заметным движением головы она указала в сторону эркера. Только теперь Альтен заметил, что там сидела Грета, что они были не одни, как он предполагал. Грета! Впервые за вечер он вспомнил о ее существовании. Он смущенно замолчал.

Грета сидела, окруженная цветами; ее тонкая фигура в темном, пуритански простом платье выделялась на их фоне. Голова слегка опущена; казалось, она не видела ничего, кроме работы, которую держала в руках.

Виктор выпрямился и встряхнул головой. Он глубоко вздохнул, но очарование, которое он чувствовал, не хотело оставлять его. Это очарование как будто исходило от близости Роуз Мари, в присутствии которой даже безжизненные предметы приобретали особую прелесть. Приглушенный насыщенный свет, прекрасные цветы, большие китайские веера, весь сверкающий хаос вокруг – от всего этого исходил тот же волнующий аромат, как от этой необыкновенной женщины, стоящей перед ним. С большим усилием Альтен заставил себя вернуться к реальности.

– Я не решаюсь спросить, что Вы думаете о моем друге, мадам, – выдавил из себя он, наконец.

– Что касается меня, то я оценила бы духовность, интеллект и ум гораздо больше, если бы они не были облачены в запятнанный сюртук и неряшливую внешность, – ответила Роуз Мари. – Мудрец из бочки сегодня не вписывается в наше окружение, Вы не находите? Возможно, Ваш Грегор обладает всеми наилучшими качествами этого мира, но что касается меня, то я не могу увидеть те достоинства, которые находятся у человека внутри, если мне неприятно то, что я вижу снаружи. Видите, Альтен, я очень откровенна!

– Боюсь, Вы устанавливаете очень высокий стандарт для людей, – вздохнул Альтен.

Никогда прежде Альтен не казался себе таким неуклюжим и неинтересным человеком, как сейчас, когда он был рядом с этой безупречной аристократичной женщиной. Он не осмеливался взглянуть в зеркало, чтобы еще больше не потерять уверенность в себе, и поэтому – возможно, именно по этой причине – он еще более упорно старался продлить короткое время, предоставленное ему, чтобы насладиться окружающей его роскошью.

– Возможно, Вы правы! – Роуз Мари посмотрела ему прямо в лицо. – Однако, мне кажется, что с течением времени человек становится очень нетребовательным по отношению к людям – ужасно нетребовательным! Кто может знать это лучше меня!

Она встала и протянула ему руку.

– Теперь, Альтен, идите; Ваша жена, наверное, уже заждалась Вас.

– Бедняжка, – с состраданием сказала Роуз Мари, когда Виктор ушел, – я могу себе представить, что такой брак должен быть необыкновенно тяжелым испытанием для творческой души. У его жены, вероятно, нос картошкой, красные руки и нерасчесанные волосы. Такое случается, когда женятся по любви! – Для него это было не более, чем минутный порыв стать защитником и покровителем слабого беззащитного существа, но когда он осознал, что этого недостаточно для счастья и что, делая это, он совершил глупость и взвалил на свои плечи непосильную ношу, то было уже слишком поздно. Потому что, в конце концов, именно мы женщины ведем за собой мужчин, а не наоборот.

– Ты его погубишь, Роуз, – сказала Грета, с горечью в голосе, стоя перед Роуз Мари и пристально глядя ей в лицо, – и потом...

Роуз Мари положила руки на плечи племянницы.

– Глупышка! Я пытаюсь спустить его с неба на землю и, поверь мне, однажды он поблагодарит меня за это. Мы должны быть практичны, Грета, если мы хотим достичь чего-нибудь в жизни.

Когда Виктор вернулся домой, он обнаружил, что в гостиной темно и пусто. Марты не было и в спальне, она, должно быть, еще не вернулась домой.

Он посмотрел на часы. Одиннадцать! Грегор все еще сидел в своем пабе, а Марта, вероятно, была у Даллманнов! Это случилось впервые, и ее отсутствие в такой поздний час раздражало его, хотя в то же время он почувствовал облегчение. Ему не хотелось, чтобы их повседневные разговоры разрушили то очарование, которое все еще не исчезло в его памяти после возвращения с виллы Мюрнер. Он словно еще ощущал аромат, окружающий эту удивительную женщину, и все еще видел в своем воображении роскошь и другую необыкновенную жизнь, которая ему самому была недоступна. С презрением смотрел он сейчас на простую мебель, которая до этого казалась ему очень красивой.

Как все было уродливо вокруг него, необыкновенно уродливо! И разве Роуз Мари не слушала его внимательно, не кивала одобрительно, когда он рассказывал ей, как чувствительна была его душа к внешним впечатлениям? Она одна его поняла!

Марта скептически кривила губы, а Грегор посмеивался над ним, когда он хотел поделиться с ними своими чувствами. – В такой обстановке он не мог больше работать! – Он снова позволил себе погрузиться в чарующие воспоминания о сегодняшнем вечере.

Почему он не поднялся до тех высот, которые открывались ему, почему он должен медленно деградировать здесь, рядом с нелюбимой женщиной? ... Роуз Мари... возможно...

Он услышал, как ключ повернулся в дверном замке, и Марта вошла в дом.

– Виктор – ах, Виктор, ты уже дома? – произнесла она со смехом и сняла с головы шляпу. – Сегодня был день рождения Лены – и мы были так счастливы – мы пили пунш – много пунша. О, Виктор!..

Виктор с раздражением отвернулся в сторону. Опять он должен выслушивать всю эту чушь о Даллманнах!

Марта начала снимать свой меховой жакет, руки застряли в рукавах, и она по-детски беззаботно рассмеялась.

– Виктор, ты ведешь себя как медведь, – сказала она и села рядом с ним. – Я хочу, чтобы ты время от времени тоже пил пунш – много пунша – и тогда ты, наверное, не был бы таким мрачным!

Виктор облокотился о стол и посмотрел на жену. Чувство горечи перехватило ему горло.

– Марта, что с тобой?

Он почти выкрикнул это. Контраст того, что происходило сейчас, с тем, что он испытал только несколько часов тому назад, поразил его.

Щеки Марты разрумянились, весело смеясь, она откинулась на спинку стула.

– Мы пили пунш – много пунша – пили за здоровье и успехи Лены, – радостно щебетала она. – Это было так прекрасно, Виктор!

Перед его глазами мгновенно предстала картина того, о чем рассказывала его жена. Душная, грязная комната с горячим пуншем на столе, перед столом фрау Даллманн в неопрятном платье с закатанными рукавами и Лена в кружевной накидке, которой так часто восхищалась Марта, и, наконец, – рядом с ними его жена! Он сжал руки в бессильной ярости. Его помыслы звали его вверх, а его жену – всегда только вниз – в болото, которое она называла жизнью! – Сейчас она вызывала у него отвращение!

Марта в своем веселом настроении не заметила реакцию мужа. Она была по-детски шаловлива и старалась развеселить его любым способом.

– Почему ты ничего не говоришь, мрачный человек? – спросила она, наконец-то, заметив его молчание. – Будь добр, Виктор, помоги мне расстегнуть браслет – у меня не получается.

Марта склонилась к нему, и в то же время Виктор почувствовал слабый запах пунша на ее полуоткрытых алых губах. Он с негодованием отпрянул и резко оттолкнул жену.

– Мне стыдно за тебя – да, мне стыдно за себя! – проговорил он сквозь зубы. – Как ты могла прийти домой и предстать перед моими глазами в таком виде!

– Но, Боже мой, что случилось?

– Ты пьяна, – сказал он тихо, как будто боялся, что его могут услышать. – Отойди от меня! Отойди, или я уйду из дома.

Она медленно поднялась с места и встала, оперевшись рукой на стол.

– Это что, такое большое преступление? Мы были совсем одни и очень счастливы.

– У тебя нет чувства самоуничтожения, – пренебрежительно сказал Виктор.

Марта пожала плечами, на ее детском лице, которое все еще смеялось, появилось злое, дерзкое выражение.

– Очень даже возможно! Ведь я все-таки фон Нордхайм! – крикнула она надменно. Только сегодня у Лены она осознала все преимущества благородного имени. Глядя на Лену, она теперь поняла, что это может значить в этом мире.

С горящими глазами, вне себя от злости Виктор смотрел на жену.

– Ты права, дочь...

Дальше он не мог продолжить. Марта бросилась на него, как кошка, и закрыла ему рот обеими руками.

– Ни слова больше о моей матери! – закричала она. – Ни слова! Или я тотчас оставлю тебя!

Затем она отвернулась, и, поскольку он молчал, отбежала в самый дальний угол комнаты. Она выключила свет, и в темноте он услышал, как дверь в гостиную открылась и закрылась.

Виктор долго не мог уснуть, Марта не вернулась. Он не хотел сделать первым шаг к примирению, ибо был уверен в своей правоте. – Как была права Роуз Мари, когда пожалела его! Эта женщина, его жена, которая ни в мыслях, ни в чувствах, ни в своих действиях не желала отказаться от крови своей матери, – неужели она могла сравниться с ним, чьи помыслы стремились к возвышенному идеалу? Как она могла для него что-то значить в его жизни? Она тяжким грузом повисла на его ногах, это были кандалы, обрекающие его на это жалкое существование! В какой-то момент ему пришла в голову идея попросить Роуз Мари позаботиться о его жене. Теперь ему было стыдно за эту мысль!

Как бы выглядела Марта, с ее вульгарными, бесцеремонными манерами, рядом с этой благородной женщиной?

Виктор глубоко вздохнул.

Сожалеть о сделанной глупости – бесполезное, неблагодарное занятие!

Марта стояла у окна в темной гостиной и плакала. Чувство горькой обиды и унижения охватило ее. Возможно ли, что раздражительность и холодность мужа постепенно превратились в прямое отвращение к ней? Она достаточно ясно увидела в его глазах те чувства, которые переполняли его сегодня, в этом не было никакого сомнения. Он не поколебался посягнуть на самое дорогое в ее жизни – память ее матери. В ее душе, жаждавшей настоящей необыкновенной жизни, жил в безупречной чистоте образ ее матери; этот образ стал утешением в часы одиночества и лишений, кумиром ее снов и единственным объектом ее поклонения. Если бы только рядом с нею был хотя бы один человек, от которого она могла услышать слово одобрения, кто мог бы дать совет, понять ее и утешить! Но со стороны своего мужа она встречала лишь презрительную усмешку, Грегор уклонялся от разговоров, а Лена... ах, даже там она не чувствовала, что ее ждут. Но визиты к ним, по крайней мере, развлекали ее и давали возможность ненадолго забыть ужасное одиночество, которое окружало ее.

Марта прислонила голову к холодному оконному стеклу. Ее охватило чувство безысходности. Как бы мрачно ни было настоящее, будущее лежало перед ней еще более мрачное и непривлекательное, ибо ее сердце также отвернулось от мужа, хотя оно, вероятно, никогда и не принадлежало ему.

И снова перед ее глазами предстала чарующая мечта ее юности, мечта стать знаменитой, прославленной актрисой, как ее мать. Окруженная тысячами поклонников, в великолепных шелковых нарядах с множеством дорогих сверкающих украшений из драгоценных камней...

Эта мечта на какое-то время помогала ей забыть ее одиночество. Но она чувствовала, что она была закована в кандалы, которые не давали ей пойти за своей мечтой и что у нее не было сил, чтобы освободиться от них.

Марта услышала, как домой вернулся Грегор. – Значит, уже было очень поздно. Она вытерла слезы с ресниц и мокрыми пальцами погладила увядшие листья лаврового венка – они тихо захрустели.

VIII

– Лена, Лена, ты все еще дома?

Марта Альтен открыла дверь и заглянула в комнату; ее голос сегодня не звучал так мелодично и весело, как это было всегда, когда она появлялась у Даллманнов.

– Да, – ответила актриса, – сегодня запланирована другая пьеса, и мне нечего делать в театре. Я рада, что ты пришла.

– Только на минутку. – Марта стряхнула снег с платья и жакета, затем подошла к дивану, который был любимым местом времяпровождения ее подруги дома, и присела рядом с ней.

– Мама может зажечь свет, я хочу показать тебе свой новый костюм. – Лена хотела подняться, но Марта удержала ее рукой.

– Подожди немного, – поспешно сказала она, – давай еще посидим в темноте.

Но вместо того, чтобы начать разговор, она сидела не шевелясь, погруженная в свои мысли.

– Марта, у тебя что-то случилось?

Марта не ответила.

– Ты не хочешь мне рассказать? – настаивала Лена.

Тут молодая женщина разрыдалась.

– О, Лена, – рыдала она, уткнувшись лицом в ладони, – ты знаешь, почему я пришла? У меня... у меня... у нас... больше нет денег!

Лена восприняла это сообщение без особых эмоций.

– Ах вот оно что, – сказала она, – это всегда очень неприятно, Марта! Мы очень хорошо это знаем из нашего прошлого! А что делает твой муж?

– О, он работает, весь день сидит за своим столом с мрачным лицом, но ничего не может написать, – призналась она тихо. – Я ни с чем не могу прийти к нему, я едва осмеливаюсь заговорить с ним, это совсем невыносимо, Лена!

– Я охотно верю в это, – сочувственно сказала Лена. Затем она протянула руку к столу и взяла с него коробку конфет.

– Съешь это, Марта! Знаешь, я не смогла бы долго вынести такую жизнь, как у тебя!

– Но что же мне делать? – Марта глубоко вздохнула, но не отказалась от протянутого угощения, взяла из коробки засахаренный фрукт и положила себе в рот. – Я уже устала об этом думать.

Она уныло опустила голову.

– Лена, ты можешь одолжить мне денег? – спросила она внезапно, вскочив с дивана; полумрак в комнате скрывал ее стыд, который она чувствовала при этих словах, ибо это был первый раз, когда она пришла к Даллманнам с такой просьбой.

– Мама! Мама! – крикнула Лена во всю мощь своих легких.

Фрау Даллманн открыла дверь и включила свет; на ее плечах, как и прежде, была красная шерстяная шаль.

– Не кричи так, Лена! – сказала она укоризненно.

– Мама, Марта просит денег взаймы; дай ей немного! – И обернувшись к Марте она пояснила:

– Мама занимается всеми делами, она делает это гораздо лучше, чем я.

Лицо молодой женщины стало пунцовым от стыда.

– Я обязательно верну, дорогая фрау Даллманн.

– Я несколько в этом не сомневаюсь! – добродушно сказала фрау Даллманн и положила банкноту в двадцать марок на темную скатерть. – У Лены нет оснований бояться за завтраш-

ний день. Это была все-таки необыкновенная удача, что ее приняли в театр, не так ли? Для хорошеньких девушек в наши дни нет ничего лучше.

Она с гордостью посмотрела на свою дочь.

Марта вздохнула; она была полностью согласна с фрау Даллманн. Ей казалось, что она стояла перед золотой оградой, за которой был Рай, а она сама с тоской смотрела внутрь через решетку, которая неумолимо отделяла ее от горячо желаемой цели.

Фрау Даллманн, положив руки на стол, смотрела на нее с состраданием.

– Ну-ну, Марточка, – успокаивающе сказала она и похлопала маленькую дрожащую ручку, лежащую на скатерти, – все еще может пойти совсем иначе, чем Вы сейчас думаете. Боже милостивый, жизнь такая долгая.

– Там кто-то пришел, мама, – прервала мать Лена, услышав, как у двери зазвонил колокольчик. – Только ты никого не впускай, я не одета и в гостиной полный беспорядок.

– Я пойду, – сказала Марта с беспокойством и встала. – Так будет лучше, у меня тоже больше нет времени.

– Подожди, пока мама не скажет, кто там пришел; не бойся, сюда никто не войдет.

Они слышали приглушенные голоса в коридоре; наконец, фрау Даллманн снова вошла, но не одна, за ней на пороге стоял пожилой господин небольшого роста, который почти втокнул ее в комнату, входя и закрывая за собой дверь.

– Это всего лишь господин Хеллвиг, Лена, – сказала фрау Даллманн извиняющимся тоном.

Господин Хеллвиг был директором театральной школы, где училась Лена.

– С какой прекрасной новостью Вы пришли к нам, господин Хеллвиг? – спросила Лена, подойдя к пожилому господину, на которого она все еще смотрела глазами ученицы, и взяла шляпу из его рук.

– Милостью Божьей, для меня прекрасно все, что может привести меня сюда, – вздохнул он, успокаиваясь. – Кстати, я принес билеты на благотворительный спектакль. Вы хотели три, фройляйн Хелена, – если вообще что-то состоится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.